

ЦАРСТВО ФЛОРЫ

по следам
громких дел

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

Татьяна Юрьевна Степанова

Царство Флоры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162062

Царство флоры: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22634-4

Аннотация

Чудесные цветы и необъяснимые убийства – что между ними общего?.. И все же общее есть: в смертельные раны своих жертв убийца вкладывает экзотические цветы. Это серийный маньяк – не сомневаются начальник «убойного» отдела Никита Колосов и сотрудница пресс-центра УВД Катя Петровская. И он явно хочет что-то сказать, совершая этот странный и страшный ритуал. Улики указывают на цветочную фирму «Царство Флоры». Но здесь тишь и гладь – флористы мирно возятся со своим пестрым, ароматным товаром, составляют букеты, композиции, панно... И лишь гобелен на стене офиса вызывает смутную тревогу: на нем крокусы, смилаксы, анемоны, гиацинты... Те самые цветы, что находят на телах убитых. Раскрыть тайну гобелена – значит понять логику преступника. И Никита с Катей находят разгадку. Вот только не слишком ли поздно? Ведь и для Колосова уже выбраны и приготовлены прощальные цветы...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	22
Глава 3	39
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	75
Глава 7	87
Глава 8	99
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Татьяна Степанова

Царство флоры

Глава 1

«ЦАРСТВО ФЛОРЫ»

Если бы кто-то в это майское утро мог подняться на дельтаплане и взглянуть с высоты птичьего полета, то увидел бы все сразу – поля, делянки, покрытые хвойным ковром, пластиковые купола новеньких оранжерей, ряды саженцев, тянущихся в струнку, как солдаты на параде, липовую аллею, ведущую к двухэтажному зданию, обшитому белым канадским сайдингом, кусты персидской сирени в пике цветения, в фиолетово-лиловом своем зените.

С высоты птичьего полета были бы видны и глухие заборы по периметру, и дальняя полоска леса, и высоковольтная линия параллельно шоссе, по которому с утра и до ночи, с ночи и до утра текут потоки машин. Город был рядом, за автотрассой, наступал, отвоевывая участки для новых жилых микрорайонов, магазинов, кафе, бензозаправок, моек, кинотеатров. За четырнадцатым микрорайоном уже возводили элитные пятнадцатый и семнадцатый, для шестнадцатого засыпали бывшее летное поле бывшего спортивного аэродрома.

Для восемнадцатого микрорайона, который значился в генеральном плане строительства, здесь уже не хватало места.

А там, за шоссе, была совершенно иная страна – это сразу бросалось в глаза с высоты птичьего полета. Если только, конечно, бесстрашно взмыть на дельтаплане, надев искусственные крылья.

Стая крикливых галок... Кромка леса на горизонте. Растворенные настежь ворота, три грузовичка-«Газели» вырुливали из липовой аллеи к белому зданию, в котором никто уже не узнал бы прежнюю полуразвалившуюся совхозную контору.

Четвертый грузовичок стоял напротив входа. Трое рабочих в синих комбинезонах загружали в кузов большие картонные коробки. С крыльца за ними наблюдала молодая женщина – руки в бока, очки в модной оправе на кончике вздернутого носа (как только держались?), на загорелом скуластом лице выражение озабоченной решительности и редкого профессионального рвения.

– Марина Николавна, полнехонько тут, финиш! – крикнул ей один из рабочих.

– Отъезжай! – Голосок у Марины Николаевны был звонкий, командирско-комариный. – Следующая давай!

На борту подрулившей «Газели» было нарисовано что-то яркое, приятное глазу пестротой, но абстрактно непонятное – пятна ли, цветы ли. Все объясняла надпись: «Компания «Царство Флоры» – благоустройство и озеленение участков,

ландшафтное проектирование. Поставки цветов в любой регион России».

Рабочие поднялись на крыльцо, Марина Николаевна посторонилась. Она осталась снаружи, а рабочие начали забирать коробки. В помещении было прохладно, солнечные зайчики пятнали дощатый сосновый пол. Сосной внутри было отделано все – стены, потолок, окна. В открытую дверь просачивался легкий ветерок. Пахло струганым деревом и словно бы пролитыми духами. Запах шел из запакованных коробок – розовый, густой. Из соседнего помещения, несмотря на то что дверь туда была плотно закрыта, сквозь невидимые глазу щели тянуло другим ароматом – тонким, нежным, кружащим голову.

– Как они тут не задохнутся? – хмыкнул один из рабочих. – Слышь, я вот на Восьмое марта Верке своей розы купил, а потом...

– Ты, Митрич? Розы? – перебил напарник.

– А че, не могу, што ль? Мы пятнадцать лет с ней женаты, канючила она все – ласки не вижу, внимания, хоть бы цветочек когда... Ну и преподнес ей. Так мы, веришь, потом всю ночь заснуть не могли. Поставила она розы-то в вазе сдуру на трюмо, так такое, скажу тебе, от них амбре. У меня голова наутро как с бодуна. Их там, в букете, пяток и было-то всего, а тут, мать честная, целые охапки. – Он осторожно колупнул крышку коробки, приподнял картонные створки.

В коробке, как и в десятках других, были свежие розы –

в этой сплошь темно-красные, в других белые, пурпурные и желтые.

Когда погрузка закончилась, Марина Николаевна отметила наряд.

– Ехать как к заказчику, знаете? – деловито спросила она. – Это в самом центре – Палашевский переулок, здание банка «Прогресс и развитие».

Банк «Прогресс и развитие», имевший шикарный офис в Палашевском переулке, праздновал десятилетний юбилей со дня своего основания. К знаменательной дате он сделал «Царству Флоры» крупный заказ на поставку цветов для украшения президиума собрания акционеров и банкетного зала. Три «Газели» увезли коробки с розами, закупленными фирмой специально для этого случая в оранжереях под Иерусалимом. Закупку делала младший флорист Марина Николаевна Петровых. Три дня как она вернулась из Иерусалима, средиземноморский загар еще не успел смыться, и она была этому безмерно рада.

Четвертый грузовичок должен был развозить другие заказы – миртовые деревца в горшках для кафе на Кузнецком, свадебные букеты и несколько флористических композиций в подарочном оформлении фирмы.

– Подождите меня на рецепции, – приказала Марина Николаевна молоденькому водителю, недавно принятому на работу. – Там внутри подождите и не трогайте ничего. Нет, мирт можете грузить, только очень осторожно, понятно?

За работой часто забываешь о себе. Но природа берет свое – Марина Николаевна ринулась в туалет. А новичок-водитель прошел через прохладное, освобожденное от коробок помещение, давя юрких солнечных зайчиков на дощатом полу, открыл ту, вторую дверь, как сезам.

Когда-то давно, когда в этом здании – еще таком неказистом, не ведавшем евроремонта – ютилась совхозная контора, здесь нельзя было повернуться от столов и шкафов, за которыми день-деньской заседали и курили, кричали друг на друга и по плохонькому телефону, требуя корма и запчастей для тракторов, скрипели перьями, печатали на раздолбаных машинках, щелкали на счетах. Сорок лет назад, тридцать лет назад, двадцать лет.

А потом контора сгинула в небытие. В старом здании начался большой ремонт, уничтоживший перегородки, столы и шкафы, источенные жучком. И оказалось, что места даже слишком много. А свет чисто вымытых окон не только достаточен для нашего сумрачного северного климата, но даже избыточно ярок, лучезарен.

Новичок переступил порог и замер в восхищении, как и многие до него. Здесь было очень много цветов. Была и мебель – удобная офисная, но она как-то терялась в разноцветном душистом море «образцов продукции». На специальных подставках в керамических вазах, в глиняных горшках, в стеклянных сосудах вдоль стен, в углах и в центре стояли цветы, цветы, цветы.

Но что-то было здесь не так. Что-то было еще – кроме. Кроме сладкого волшебного аромата. Кроме этой красоты и хрупкости. Помимо разноцветного буйства лепестков, бутонов, листьев, стеблей. Кроме лилий и роз, тюльпанов, нарциссов, крокусов и гиацинтов, кроме...

Что там за алые брызги? Вон там? Так странно похожие на бутафорскую театральную краску? Это кровь?!

Водитель невольно попятился. Потом мотнул головой, как упрямый бычок. Вдохнул полной грудью. Как тут душно от этого запаха. Голова закружилась, неудивительно. А это же... это же просто картина на стене. Большая картина. А он-то, чувак, деревня...

Он направился к противоположной стене, осторожно лавируя между подставками, вазами, ящиками. У него было ощущение, будто он плыл на лодке по озеру, только вот вместо кувшинок на него снизу глядели желтые подсолнухи. Это в мае-то подсолнухи? Откуда? Какими судьбами? Странное чувство не отпускало, голова кружилась все сильнее.

Он приблизился к стене, буквально уткнулся в нее – нет, это не картина, это какая-то ткань, навряд ли гобелен. Коснулся ее – новая, плотная, а по ней выткан рисунок. Что-то вроде здорового ковра, явно заграничного.

Отступил слегка: вау, сиськи женские! Этакая белая нежная голизна, перламутровая нагота бедер, обнаженной груди. Отступил еще. Вот так-то лучше, отчетливее. Сюжетцы такие только в музее и видел, когда еще в школе ездили в

Питер на экскурсию во дворцы, – голые боги и богини, амур и психеи.

Но тут что-то другое, необычное – дождь из лепестков над цветочной поляной, взвихренные в танце одежды, люди, земля, трава, четверка лошадей в солнечном диске – там, наверху, в вытканых шелком небесах.

И – разящее лезвие, направленное прямо в чью-то голую грудь. Разинутый в яростном крике рот – мука боли. Кровавая рана – и чей-то взгляд, устремленный на нее искоса, с хищным любопытством.

Водитель вздрогнул, быстро обернулся. На пороге за его спиной стояла Марина Николаевна. Вытирала мокрые руки махровым полотенцем.

– В ступор впали, молодой человек? – осведомилась она насмешливо. По возрасту, правда, она была старше «молодого человека» всего лет на пять, не больше.

– Штука какая у вас крутая на стене висит. Вроде картина, а вроде ковер. – Парень сглотнул, ему хотелось курить.

– Это Андрей Владимирович привез из Франции. Нравится? Это гобелен по картине, на фабрике под Версалем такие ткнут, потом туристам продают. Так, ладно, пора за дело. Забираете это и это, осторожно. – Марина Николаевна указала на пышные огромные букеты, состоящие опять-таки из сплошных роз.

– А чего это мужик там такой чудной? – спросил водитель, тыча в гобелен. – Вон тот, голый, в шлеме с перьями. Меч

рукояткой в землю воткнул. Зарезаться, что ли, хочет?

Марина Николаевна глянула на гобелен. Он был ей так хорошо знаком, что уже успел надоесть. Успело надоесть и то, что почти все, кто попадал сюда, в это помещение, впервые, задавали ей одни и те же вопросы ПРО ЭТО.

– Это гобелен по картине французского художника, называется «Царство Флоры», – сухо ответила она. – С Интернетом дружите? Ну, так почитайте, и все узнаете, раз так ментально запали. И давайте быстрее поворачивайтесь, любезный, вам заказы до двух надо развезти, а сейчас без малого одиннадцать.

Водитель забрал букеты. Он хотел было спросить еще: «А чегой-то там кровью на цветах набрызгано на этом вашем гобелене?», но не стал. Марина Николаевна ему не слишком-то понравилась – и эти ее модные очки-гяделки, и тусклые волосы, собранные сзади, и то, что она только что из туалета – вон руки еще влажные.

Потом он вернулся за последним заказом. Рассматривал гобелен, пока Марина Николаевна возилась возле букета – нет, точнее, цветочной композиции в корзине из соломки. Композиция была выполнена в бело-розово-зеленых тонах. Розы здесь уже не использовались, только нарциссы и гиацинты на фоне темно-зеленых листьев, увитых лианой. Прежде чем упаковать корзину в шуршащий пакет, она воровато сунула руку в цветы и достала оттуда открытку. Впилась в текст – ее интересовала подпись. Она должна была

знать имя того, кто посылал эти цветы по этому вот адресу: Долгоруковская улица, 28/2, квартира 195. Имя было другое, совсем не то, что она ожидала. Надо же... а она-то психовала... А это вовсе не он шлет ей цветы...

– Вот тут адрес, передадите Пеговой Ф.И., от кого, там все написано. – Марина Николаевна вручила корзину водителю. – Ну? Что-то еще?

Водитель принял груз в охапку. На пороге не удержался, обернулся – в воздухе кружились солнечные пылинки. Пропать цветов. Гибель цветов. И – гобелен на дальней стене: раскинувшиеся в ленивых позах среди травы и цветов тела. Кудрявый пацан, любующийся своим отражением в сосуде с водой, кони в облаках и их неистовый возникший, наклон, поворот, изгиб, пластика, как в балете, взгляд в упор – из-под длинных ресниц. Лезвие меча, всаженное рукоятью во влажную землю, прорастающую семенами. Тот, кто воткнул этот меч, через мгновение бросится на него. Напорется грудью. А у того, другого, который с копьем, все бедро располосовано, в крови. Он еще на ногах, опирается на древко, но вот-вот рухнет, уткнувшись лицом в эти цветы, в эти чертовы душистые бутоны, в эту жирную, ненасытную землю.

– Дорогая штука, наверное? – хрипло спросил водитель. – Раз из Франции-то?

– Я же вам сказала, это современное, для туристов, – Марина Николаевна махнула рукой. – Для декора стен предназначено, не особо модно, но Андрею Владимировичу нра-

вится.

Водитель уже слышал это имя, когда оформлялся на работу в «Царство Флоры». Так звали одного из совладельцев фирмы.

Дорога все устаканила, только где-то в самой глубинке, на доньшке остался дискомфорт, смутное беспокойство – вроде бы совершенно беспричинное.

Нужный дом на Долгоруковской улице водитель, хоть и был новичком, отыскал быстро. Сталинский, восьмиэтажный, рядышком с киностудией «Союзмультфильм». Дверь подъезда открыла консьержка. Пока водитель с корзиной цветов поднимался на скрипучем лифте, в квартире под номером 195 (часы как раз показывали два часа дня) начиналось обычное для ее обитателей утро.

В квартире имелись две большие светлые комнаты – спальня и гостиная. В кухне гудел чудо-комбайн, шинкующий овощи на салат, пахло кофе, пыхла соковыжималка, сражаясь с неподатливыми гранатами. В спальне, несмотря на то что в квартире обитали двое, была только одна кровать – широкая, затянутая шелковым бельем в леопардовых принтах. Хозяйку квартиры – ту самую клиентку, которой и предназначалась цветочная корзина, – звали Фаиной Пеговой. И вот уже полтора года она делила свой кров с подругой по имени Аля.

А еще в этой уютной, стильно отремонтированной и модно оборудованной квартире было очень много зеркал – в

спальне они составляли стенное панно, маскируя двери шкафа, в ванной имелись не только на стенах, но и на потолке, в прихожей два винтажных зеркала были сооружены одно напротив другого, раздвигая сумрачное пространство.

Аля – высокая, угловатая, мускулистая, очень спортивная – деятельно готовила завтрак. Выключила комбайн, вытряхнула из контейнера в салатницу нашинкованную капусту, зачерпнула из открытой банки консервированные ананасы, полила соком, перемешала деревянной лопаточкой.

– Мидии класть?

Через два дня ей должно было исполниться двадцать семь. Когда-то звонкий голос ее осип от бесчисленного количества выкуренных сигарет – три пачки с ментолом и без была ее привычная норма.

– Валить мидии? – повторила она громче. – Радость моя, ты там опять уснула, что ли?

Они встали без четверти два. А легли... Не так уж и поздно, где-то в час, после того как Фаина вернулась домой, но уснули, естественно, не сразу. Им никогда не удавалось сразу уснуть.

– Кофе готов?

Сражаясь с плоской баночкой консервированных мидий, Аля подняла голову – Фаина стояла в дверях, кутаясь в белоснежный махровый халат. Правой рукой потирала висок, левой сжимала белую атласную тапку, расшитую жемчужным бисером. Белая в белом Белоснежка – белокожая шатен-

ка с капризным чувственным ртом, с глазами цвета фиалок. Аля сжала губы – врешь, меня этой твоей ересью подзаборной, метафорами этими стремными не возьмешь. Кожа твоя и правда белая от природы, очень здоровая на вид, гладкая на ощупь, но сколько ты в себя разной косметической дряни для этого втираешь, сутками в SPA торчишь – мне ли не знать. Глаза – верно, очень красивые, синие, фиолетовые, а иногда, ночью, при свете лампы, даже черные, пока в них мутной струей не прыснет страсть.

– Кофе дай, радость моя. – Голос у Фаины был мягкий. Вот этой-то вкрадчивой кошачьей мягкости Аля и не могла никогда противостоять.

Она бросила деревянную мешалку, налила из кофеварки в кружку густой крепкий кофе, подала Фаине.

– Аспирин в ванной в шкафчике? Я забыла. – Фаина отхлебнула кофе.

Вчера, как обычно, по новоиспеченной моде ездила она в Дом музыки на концерт. «Музыкальная эпопея», как и все прочие эпопеи – театральная, тусовочная, клубная, – продолжалась вот уже несколько недель. Фаина откуда-то узнала, что в этом сезоне сюда на симфонические концерты, особенно на модных европейских гастроловеров, съезжается Большая Тусовка – реальная большая тусовка, в том числе люди из правительства, из администрации, из мэрии. Вчера давал сольный концерт скрипач из Вены. Брамс, Брамс, сплошной Брамс и немного Дворжака. Фаина – в новом платье от Лан-

вин – сидела в пятом ряду, пристально изучая переполненный зал. У нее было отличное зрение. А вот слух – музыкальный – отсутствовал напрочь. Если бы он был, ее бы когда-то тогда, давно, не отчислили с третьего курса школы-студии МХАТ, и она бы непременно стала актрисой. По крайней мере, она твердо верила в то, что отчислили ее именно за этот вот пустяк разные там интриганы-преподаватели, а вовсе не за вопиющую профнепригодность к сценическому ремеслу. От Брамса у нее дико разболелась голова. Разболелась так, что захотелось встать посреди второго отделения концерта, подойти к надутому типу в костюме от Армани, что пялился на нее сквозь круглые очки, и на его вопрос: «Любите ли вы, Брамса, Фанни?» – впиться ему зубами в пухлое плечо, прокусив, к чертовой матери, и траурную ткань, и потную липкую кожу.

На горе Брокен говорят: кровь – кровянка – лучшее лекарство от мигрени. Лучше даже, чем гильотина. А разве этот очкарик из Министерства топлива и энергетики за глаза не называл ее ведьмой и стервой? А вон тот, который из «Железных дорог», разве он не предлагал ей совместный отдых на Ямайке без каких-либо дальнейших обязательств и претензий? А у самого ведь жена-ровесница, прокисшая от диабета, и взрослые дети – дочь забеременела, сын развелся вторично.

– Кто-то в дверь звонит, радость моя.

– Я открою, радость моя. – Аля метнулась в прихожую,

где итальянский чудо-звонок заливался тактами Нино Рота.

Плоская баночка мидий осталась на столе. Фаина подцепила одну мидию ногтем. Моллюски... Впрочем, есть эту морскую дрянь полезно. Для кожи, для волос. Какой-то там редкий витамин содержится, от него волосы гуще растут. Она направилась в спальню к зеркальной стене, в которую били прямые солнечные лучи. На горе Брокен говорят: глянешь на себя с утра, к обеду повесишься. А вот она себе не представляет жизни без зеркала. Да и на кого еще порадуешься, как не на себя? Разве плоха для тридцати трех лет? Плоха, скажете? Хороша, и даже очень. Алька, радость моя, насколько вон моложе и спортом каким занималась лошадиным, а живот у нее дряблый. И как это только возможно – ноги железные, ногами она своими черт-те что выделявает, а живот дряблый?

В зеркале отражалась смятая постель. Пестрое леопардовое логово. Фаина, контролируя в зеркале каждое свое движение, каждый поворот, грациозно потянулась. Алька, радость моя, уберет – и за мной, и за собой. В конце концов, когда они сходились и решали жить вместе, именно она взяла на себя бремя домашних забот. А общая спальня – это не бремя, это награда, подарок.

– Тебе тут подарок, радость моя. – Аля возникла в дверях с большой корзиной, полной цветов. – С доставкой на дом.

– От кого?

В прихожей, мгновение назад, Аля, торопливо дав водите-

лю на чай, захлопнула за ним дверь, запустила руку в цветы, выудила открытку. Сама не зная того, она проделала точь-в-точь все то же самое, что и до нее Марина Николаевна Петровых, – пробежала глазами текст, впилась в подпись. Однако, в отличие от Марины Николаевны, с облегчением не вздохнула, наоборот, нахмурилась. Едва сдержалась, чтобы не смять глянцевую открытку в кулаке, державшем прежде не только деревянную мешалку, но и лыжную палку, увесистые гантели и спортивную винтовку.

– Из «Флоры», судя по виду? От кого же? Боже, какая красота. Сейчас нарциссы цветут, вот их тут сколько. – Фаина забрала корзину, полюбовалась на свое отражение – она в халате и с цветами. – А это что у нас? Гиацинты или крокусы? Никак не могу запомнить, вечно путаю все названия. Андрей сколько раз мне показывал, объяснял. – Она наклонилась к цветам. – Так кто прислал?

– Читай сама, вот. – Аля подала ей открытку.

«Все равно будешь со мной. Моей. Зацелую. Затрахую. Арнольд». Лаконично, слишком даже лаконично. Фаина усмехнулась. Адресата она знала. Конечно же, знала. Арнольд... Так звал его только близкий круг, для остальных он был Алексеем, никаким не Арнольдом, самым обычным русопятым Алексеем по фамилии Бойко.

– Что, понравился подарочек? – спросила Аля.

– Поставим здесь, в спальне. Или, может, там? – Фаина кивнула на соседнюю комнату. – Какие крупные нарциссы. А

гиацинты что-то мне по форме напоминают. Розовые, упругие... Знаешь, Андрей в прошлый раз что-то такое про фаллические формы в ботанике заливал, есть, оказывается, и такое направление в современной селекции...

— Я сейчас эту дрянь выкину с балкона. — Аля решительно потянула корзину к себе.

— Радость моя, ты что?

— Он же уголовник, этот твой Арнольд. — Аля не отпускала плетеную ручку. — Уголовник, хам. Гадина такая!

— Не страдай ерундой.

— Отдай цветы!

— Ну, на, на, возьми и успокойся. — Фаина сдалась. — Голова у меня раскалывается. Где аспирин?

— Он уголовник, сидел. И вообще... тварь он, подонок. А морда какая у него? Лысый как коленка, затылок весь в складках, сам от жира чуть не лопается.

— Он у нас человек-гора. — Фаина улыбалась, все это ее явно забавляло.

— Но он же сидел, сам этого не скрывает. Арнольд... гнида лагерная... Ну, ладно, этот, босс его Аркадий, у него хоть деньги, капитал, он на тебя его тратить сможет, если захочет. Но этот-то — он же просто у него вышибала, охранник. Служит ему, как пес.

— Я вспомнила, на что похож по форме цветок гиацинта.

— На, забирай! — Аля, вспыхнув до корней волос от этого туманного и в принципе совершенно невинного замечания,

швырнула корзину на пол, под ноги Фаине. – Звони ему, благодари, езжай, трахайся с ним до потери пульса. Трахайся, мне-то что!

– Какая же ты все-таки дура, радость моя. – Фаина пошла прочь из спальни, перешагнула через цветы. Нарциссы рассыпались, несколько гиацинтов сломалось, зеленые листья смялись, и только лиана чувствовала себя на полу как дома.

– Да у него все зубы сгнили на нарах! – крикнула Аля. – У всех, кто сидел, так. А у него в особенности, не рот, а щербатая помойка.

– Он регулярно посещает дантиста, сам мне клялся.

– Ну! От зубодера не вылезает. А жрет-то сколько? В «Ермаке», что, сама разве не видела, сколько он жрет? И как только не лопнет, гадина... От пива опух весь, ноги через брюхо свои не видит, да что там ноги... Он и не может уж ничего небось.

– Он может, радость моя. О, еще как.

– Узнала уже, испытала, да? – Лицо Али – в общем-то, весьма миловидное, если бы не резкость, мужественность черт – перекосила гримаса ярости. – Успела уже, интересно, когда? Вчера? А мне врал, что на концерте?

– Какая же ты все-таки дура, повторяю! – Фаина распахнула дверь ванной. Сбросила халат, отразившись спиной, плечами сразу во всех зеркалах.

– А ты... ты такая же гадина, как и он... измучила меня вконец. – Аля топнула ногой. – Думаешь, стерплю, проглю-

чу?

– Перестань, лучше убери этот мусор цветочный и свари еще кофе.

– Я этого твоего Арнольда убью.

– Ты?

– Возьму нож! – Аля схватила длинную пилку для ногтей. – И всажу ему в брюхо. Вот так! – Она с размаху, с неженской силой всадила пилку в подушку, рванула, повернула. На постель посыпались перья, пушинки закружились в воздухе.

Фаина в ванной открыла воду. Пока ванна наполнялась, придирчиво, любовно разглядывала себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком. В ванне клубился горячий пар. Вдруг пахнуло прохладой – Аля распахнула дверь и молча швырнула собранные с пола смятые, умирающие нарциссы и гиацинты в ванну, в ароматную пену.

Глава 2

МЕСЯЦ СПУСТЯ. НА ПОРОГЕ ДОМА

На заднем сиденье черного джипа «Мицубиси Паджеро» горой лежали букеты цветов. Белые лилии соседствовали с чайными розами цвета слоновой кости. Но цветочное благоухание перебивал запах дыма дорогих сигарет. Курили оба – и пассажир, и водитель. Оба примерно одного возраста – за сорок, кряжистые, плечистые. Однако водитель – более мощный, квадратный, пузатый, судя по багровым, одутловатым щекам – любитель пива, водки, шашлыка и немецких кровяных колбас. Водитель предпочитал отзываться на имя Арнольд, и это именно о нем месяц назад, в цветущем мае было столько всего сказано в квартире на Долгоруковской улице. Сейчас на дворе стоял цветущий июнь. Арнольд же, как водится, исполнял привычные ему обязанности личного телохранителя и шофера при особе своего работодателя, а в прошлом тюремного кореша и солагерника Аркадия Сулова, более известного в мире уголовном под кличкой Аркаша Козырной.

Сулов, щурясь, курил сигарету, стряхивал пепел в открытое окно. Джип «Мицубиси Паджеро» как раз завис в пробке на выезде с МКАД на Ярославское шоссе. День клонился к

вечеру, и, казалось, вся Москва устремила безоглядно за город, на дачи.

– Летуна надо покупать, – вздохнул он.

– В смысле самолет? – басом уточнил Арнольд.

– Или вертуна. – Суслов жестом показал пропеллер, кивнул. – Включи хоть музыку, братан, чего так-то загорать в тишине, как в могиле?

В салоне запел Михаил Круг.

– Во жизнь, Аркаша. – Арнольд звал своего нынешнего работодателя в память былых приключений вежливо-фамильярно по кликухе и никогда по имени отчеству. – Этот в земле давно лежит, в черноземе, а голос-то, вот он, живой, как привет с того света. А помнишь, как он тогда на концерте жару давал? Пацаны прям улетали. Кайфово было!

Лет десять назад, в середине девяностых, об Аркаше Козырном, как и о его подручном Арнольде, множество любопытных фактов можно было собрать на периферии – в Чите, в Красноярске, а также в Хабаровске и в Свердловске. И жили они там в то время, и зарабатывали себе на жизнь, как умели, и сидели тоже там – недалеко, всего в какой-то полутысяче километров к северу, и выжили тоже там – выжили в беспощадной мясорубке междоусобных криминальных разборок, которая перемолола почти все их неприкаянное поколение, спровадила на кладбище, увенчав помпезными гранитными крестами.

И, поднаторев в вопросах выживания, с некоторых пор

Аркадий Суслов заделался столичным, точнее, околостолличным жителем. Купил землю в подмосковном Пушкине, в поселке Большие Глины, возвел трехэтажный кирпичный особняк с гаражом, сауной и летним разборным бассейном. Вытащил из малоперспективного сибирского захолустья кореша Арнольда (проходившего по многочисленным уголовным делам под своим настоящим именем Алексей Бойко).

Имеющимся капиталом распорядился Аркаша Козырной тоже по-умному, откупив у бывшего владельца Сосо Барайдошвили (его позже нашли под Адлером застреленным в его же собственной машине) сеть автосервисов и моек. И, наконец, счастливо женился. Женой его стала восемнадцатилетняя продавщица из торгового центра, что на центральной площади Пушкина. На юный возраст жены и на свои нескудеющие силы Аркаша Суслов возлагал огромные надежды. Но наследника не мог занять целых четыре года. Все как-то не получалось, несмотря на почти титанические усилия. А иметь сына-наследника с некоторых пор было его заветной мечтой. Они с женой что только не предпринимали – пачками нанимали экстрасенсов, ездили в глухую тундру к практикующему сибирскому шаману, специализировавшемуся на усилении половой потенции клиентов за счет воздействия духов земли и снега, посещали монастыри. На восстановление одного из храмов Суслов отстегнул щедрое пожертвование. И свершилось чудо – не прошло и месяца, как жена сообщила ему, что беременна.

Родился мальчик. Завтра поутру жену как раз надо было забрать из роддома. Охапки лилий и роз на заднем сиденье джипа предназначались ей – Суслов, ставший с годами сентиментальным, решил убрать к возвращению жены с сыном весь дом живыми цветами. Заказ был сделан Арнольдом – он знал по собственному опыту одну весьма приличную цветочную фирму. И вот они возвращались домой в поселок Большие Глины – слегка хмельные, вдрызг благодушные, а Суслов Аркаша – тот даже вполне счастливый. Счастье омрачала лишь эта вот треклятая пробка на автостраде.

– Щас двинемся, потерпи чуток, – подбодрил босса Арнольд.

– Чего обидно, едем с тобой из бани, как фраера с чистыми шеями, а тут опять пылица, вонища угарная. – Суслов смотрел вперед – над дорогой в вечернем воздухе клубилось облако смога.

Они действительно скоротали пару ленивых часов в новомодной японской бане, испытали легкий массаж, поужинали в грузинском ресторане на ВДНХ. Потом заехали за цветами. Заскочили попутно еще и в детский магазин «Лялька» – прикупить приданого наследнику. Но там оба как-то растерялись среди колясок, памперсов и погремушек. Спасибо, помогла продавщица, тоже молоденькая, смешливая, румяная, ну точь-в-точь копия той самой Насти из торгового центра, из отдела мужского белья, что стала в одночасье госпожой Сусловой – хозяйкой кирпичного особняка, сети ав-

тосервисов и моек, четырех машин, в том числе и вот этого новенького «Мицубиси Паджеро», и много чего еще из движимого и недвижимого.

Автомобили впереди неспешно тронулись.

– В одиннадцать завтра Настюху забирать. – Суслов вздохнул. – Ее и сынка моего.

– Как назовешь-то пацана?

– Настюха написала, что Игорем хочет.

– А ты сам как хочешь? – Арнольд глянул на своего работодателя в зеркало, но не увидел, чего хотел, – Суслов был в модных темных очках (как, впрочем, и сам Арнольд – чтоб зенки чужие зря в душу не лезли).

– Я как она. Я ей сказал – родишь мне сына здорового, все твое сполню, все твои желания, девка. Хотел бы, конечно, чтоб тоже Аркашей звался, ну, в честь меня, отца. Но раз Игоря она хочет – нехай будет Игорь Аркадьич. Тоже неплохо звучит, а?

– Знаменито звучит.

– Когда сам-то женишься? – по-свойски просто спросил Суслов.

– На ком?

– Ну, хоть на этой своей... Хотя я бы тебе не советовал. От души не советовал.

Арнольд насупился.

– Это почему же?

– Да все потому, Леха.

Арнольд становился «Лехой» редко, и это всегда знаменовало особый, интимный виток разговора по душам.

– Нет, ты скажи.

– Да не буду я. Это дело твое, собственное.

– Ты ж свой, не чужой. А я – ты сам знаешь, за тебя, Аркаша, в огонь и в воду. Так уж давай это... начистоту. Что ты против Фаины имеешь? – Голос Арнольда звучал глухо.

Суслов покачал головой.

– Чего я против нее имею? А ничего, кроме того, что не пара она тебе, вот что.

– Красивая, что ли, слишком?

– Есть и покрасившее ее, вон Настюха моя – нет, скажешь? Она насколько ее моложе? То-то. Дело-то не в этом. Ты сам пацан что надо. Как зубы вон себе вставил новые. – Суслов не удержался и поддел кореша и бывшего соллагерника, который действительно по молодости, во время первой ходки «туда», ухитрился подцепить цингу и надолго испортил себе всю стоматологию. – Зубы, говорю, вставил, и порядок. Только не подходите вы друг дружке. Совсем.

– Почему? Ну? Бей, давай, что ли. – Арнольд стиснул вставные зубы. На щеках заходили желваки.

– Э, куда дело-то зашло... Далеко зашло, видно. – Суслов грустно вздохнул. – Тогда я лучше помолчу.

– Нет. – Арнольд резко нажал на тормоз (благо к этому времени они уже свернули с Ярославки на более спокойное объездное шоссе).

– Ты работай давай, руль-то крути, – беззлобно приказал Суслов. – Ладно, раз так настаиваешь. Я скажу. Сколько у нее мужиков было?

– Это никого не касается.

– А сколько у нее щас, кроме тебя?

– И это тоже никого не касается.

– А ты сам-то при ней в роли кого? Что, думаешь, не знаю – полгода возле нее, как пудель на задних лапах. Цветочки, браслетик жемчужный... Дала она тебе хоть раз-то по-настоящему или все динамить продолжает?

– Слушай, Аркаша, ты это... знаешь, что за такие слова я...

– Кто? Я тебя как облупленного знаю. Щас ствол наружу – и палить. В кого палить, в меня, в твоего друга, кто единственный тебе добра желает, кто пропасть тебе не дал и сейчас не даст? Эх ты, Леха. Ты послушай меня. Я тебе скажу – эта баба не для тебя. Иметь ее по полной – пожалуйста, кто запрещает, если сладишь, конечно, с ней, со стервой. Но чтобы сюда ее к себе пустить, вот сюда, внутрь, – он ткнул Арнольда пальцем в сердце. – Это лучше уж кислоты какой-нибудь наглотаться – все одно, и так и этак погибель полная.

– Да не собираюсь я жениться на ней!

– Щас, не собираешься, на Фаинке-то? Кому другому рассказывай. Позовет тебя, так ночью как ошпаренный к ней рванешь. С Амура, с Колымы рванешь. Только не позовет она тебя.

– Было дело – звала, – с затаенной гордостью похвалился Арнольд.

– Ну, это, значит, от скуки, от блажи бабьей. – Суслов махнул рукой. – А так, чтобы по правде, по-настоящему – нет. Не нужен ты ей. Я больше скажу – она такими, как мы с тобой, гнушается, брезгует. Я еще там, в ресторане, ну, когда в первый раз-то ты мне ее показал, усек – брезгует она нами. Хотя, разобраться, чем она-то лучше – просто шикарная шлюха, но ведь шлюха. Ляжет с тем, кто больше заплатит.

– Не шлюха она никакая, – буркнул Арнольд.

– А я тебе повторю – сколько мужиков у ней до тебя было, а? А квартиру она что, себе сама купила? Из Питера небось голая сюда заявила, и на тебе – «вольвуха» последней модели, квартира, бриллианты, меха. Шлюха она. Только метит высоко. Ой, как высоко, на самый верх. А ты ей не нужен. Ну, может, когда так, развлечься – пацан ты крепкий, сила вон немереная, ну и потянет ее к тебе на часок. А потом встала баба, «молнию» на трусах застегнула и забыла, как там тебя зовут и кто ты такой, парниша, есть.

– Не могу я ее пока бросить. Пытался – не могу.

– Запал – дальше некуда? Я ж тебе предлагал ход.

– Нет, с ней это не пойдет, не выйдет.

– Почему? Еще не с такими выходило. Приглашаешь вежливо, сажаешь в машину культурно, поишь в ресторане в ж... пока не упьется. Потом привозишь – не к себе, конечно, и не ко мне, а вон, например, к Сеньке Зайцу, у него подвал

большой, оборудован отлично. Что она там против тебя – в подвале-то? Ну и развлекайся с ней, сколько душе угодно. Хоть неделю. Криков ее никто не услышит – делай что хочешь, хоть плеткой бей. Сломается, у ног твоих ползать будет – вот увидишь. Руки будет лизать, сука. Ну, а потом по обстоятельствам – если сладится у вас таким образом любовь – отпустишь, нет, так... Одной Фаинкой больше, одной меньше. Искать ее, конечно, будут. Поищут-поищут и перестанут. Если к тебе прицепятся по поводу нее, мы тебе такое алиби с братвой соорудим – комар носа не подточит.

Про подвал Суслов вспомнил не зря. Об одном таком подвале они с Арнольдом имели весьма точное представление. Это осталось там, далеко, – в другой их хабаровской, дальневосточной жизни. В подвал кирпичного дома, более похожего на крепость, построенного на окраине Хабаровска в самом начале девяностых, их тогдашний, ныне покойный босс Жорка Чувалый заточил свою строптивую любовь. Имени этой девицы Арнольд не знал. Но саму ее помнил. «До подвала» – смуглой, гибкой, отвязной брюнеткой, страшной потаскухой, конечно, но все равно красавицей, зажигавшей хабаровские ночные клубы направо и налево. И после – полубезумной, сгорбленной, с трясущейся головой и изуродованными руками.

Что конкретно происходило в том подвале по ночам, когда Жорка Чувалый, распаленный водкой, спускался туда к «своей строптивой любви», Арнольд не знал, а гадать...

Стремно было как-то гадать об этом – об этих ночных забавах. Тоскливо, тревожно как-то делалось на душе, и холодом тянуло, словно из склепа. Чувалый тогда был в большом авторитете по всему Дальнему Востоку. Слово его было закон. И они с Аркашей Сусловым и вякнуть-то особо ничего поперек ему не могли. Да и чего было вякать? Это ж все были дела его личные, любовные, подвальные, глухие.

Однако ту ночь, когда подвал опустел, Арнольд тоже не забыл. Чувалый приказал ему и двум другим – таким же как он, молодым еще, не авторитетным приехать к нему на машине. В подвал он спустился один. Они ждали его. Долго ждали. Свою бывшую «строптивую любовь» Чувалый выволок на свет словно мешок с картошкой. Она... Арнольду потом часто снилось по ночам ее лицо – одутловатое, с воспаленными веками, испещренное багровыми, плохо заживающими язвами. Это были следы от ожогов – Чувалый тушил окурки сигарет о щеки и лоб своей пленницы. Она хрипло застонала, забормотала что-то и протянула к ним руки. Кисти ее были обмотаны грязными окровавленными бинтами. Чувалый в виде особого наказания отрубил ей на обеих руках фаланги указательного и безымянного пальцев, чтобы навсегда отбить охоту царапаться.

Они отвезли Чувалого и его пленницу в тайгу. Долго ждали у машины, курили. Чувалый вернулся один. Приказал взять из багажника лопаты. Ель с расщепленным грозой стволом – Арнольд до сих пор помнил место той тайной та-

ежной могилы.

И сейчас здесь на дороге он представил себе... Так ясно, живо представил.

Подвал. Холод цементного пола...

Всхлипы, стоны, крики о помощи. Напрасные крики...

Брызги крови на каменных стенах. Слипшиеся волосы, запекшиеся раны, страх... Боль...

Не надо, не делай этого, я прошу, умоляю – не надо!!!

Красота, превратившаяся в слизь, в мокроту, смешанная с пылью, с паутиной. Жизнь, втоптанная в прах, чтобы уже никогда не подняться, не расцвести, не дать начало новой жизни.

Подвал и *она*– Фаина. И то, что с ней станет потом. После. С ней. И с ним тоже.

– Нет. С ней я такого не могу сделать. Не желаю. – Арнольд свернул с объездной на проселочную дорогу, ведущую в Большие Глины. Смеркалось. Кусты вдоль дороги отбрасывали длинные тени.

– То-то, что не желаешь, – с раздражением отрезал Суслов. – Добреньким стал, а забыл, как в Хабаровске...

– Нечего про то вспоминать. То было и прошло. Ты вон сейчас тоже другой стал. Жену заимел, клумбы ей цельные в подарок возишь.

– Настюха моя того стоит. Понял? – Суслов отчего-то (сам того не желая) начал свирепеть. – Я за себя ее какой взял, знаешь? Целкой взял, чистой-непорочной. Это по нынеш-

ним-то временам чудо, редкость. Соблюдала себя, с кем попало не ложилась. А если бы легла с кем – в моем подвале бы и осталась. И костей ее никто бы не откопал. А так вот – счастье у нас, дом, сын. А ты... ты ж ее, Фаинку-то, потом все одно замочишь. Или сам сопьешься.

– Я не сопьюсь, – ответил Арнольд. – Ее же... не знаю... пусть пока живет... потом не знаю, что будет.

– Не знаю, замямлил... Эх, баба-чертовка, ты глянь на себя, радости она тебя лишила. Сколько месяцев вон уж сам не свой, как иголку съел. Думаешь, не видно со стороны? Все видно. Давно хоть виделись с ней?

– Давно, почти месяц назад.

– Ну и?

– Я ей в Сочи предложил махнуть. Отказалась, занята, мол.

– Посмеялась еще небось над тобой.

– Не смеется она надо мной никогда.

– А эта подруга-то ее, лыжница?

– Алька?

– Она что, все с ней? По-прежнему?

– Она вроде домработницы у нее.

– Угу, домработница с проживанием. Кретин ты.

Арнольд не ответил. Что толку было отвечать, продолжать этот спор? Он вел машину, думал о ней, о Фаине. И еще о сне, который видел как раз сегодняшней ночью. Сон этот снился ему уже однажды, много лет назад, еще на зоне.

Снилась какая-то полутемная комната и роскошная царская кровать под алым балдахином. Такие кровати Арнольд, ночевавшему на заре юности все больше на съемных квартирах, в старых разваливающихся бараках, в загаженных, захарканных плевыми нищих портовых притонах, наяву не попадались.

В том сне он вошел в эту комнату с яркого света и словно разом ослеп. А потом стал различать – смутно, как бы с трудом. Вот что-то прошуршало по полу в темноте. Проскребло, проползло мимо. В сумраке можно было разглядеть лишь нечто мохнатое, членистоногое, верткое, хищное – с острым жалом, с брюхом, налитым жгучим ядом. Во сне он отпрянул прочь, чтобы не дай бог не коснуться, не дотронуться. И очутился как раз возле кровати. Алый бархатный полог был задернут. За ним тоже что-то скрывалось – там, за этим сонным занавесом.

Он боялся его коснуться, как и хищного «нечто» на полу. Стоял, не шевелясь, вытянувшись в струнку, стараясь не выдать своего присутствия здесь, в этой комнате, даже дыханием. Внезапно по занавесу прошла дрожь, словно он был живым. Медленно, очень медленно бархатные сборки поползли в сторону. И вот уже их полотнища превратились в алую мглу, в кумачовый туман.

На кровати что-то лежало, укрытое одеялом. И от этого лежащего, скрытого надо было держаться подальше. Там, во сне, Арнольд это чувствовал – как зверь, на уровне инстинк-

та. Он хотел уйти, убежать. Но позади снова раздался тот вкрадчивый отвратительный шорох. Что-то стерегло его во мраке, грозя поразить отравленным жалом. Тогда он забрался на кровать. Встал на колени. Кровать оказалась мягкой – как будто добрая сотня пуховых перин была набросана на ее царский резной дубовый каркас. Арнольд протянул руку и осторожно потянул одеяло на себя. Он хотел и... боялся. Он должен был понять то, что там лежит. Одеяло скользнуло и...

На краткую долю секунды он увидел самого себя – таким, каким он был на зоне: худым тогда еще, молодым, небритым, осунувшимся. Увидел свое тело, свои руки, сложенные на груди. Увидел, хотя до этого никогда прежде не видел себя во сне со стороны. А потом лицо его стало прямо на глазах распадаться, гнить. Кожа почернела, сморщилась, оползла в мгновение ока как бы разъеденная неизлечимой проказой. И вот уже вместо головы – гнилая страшная рыба морда, облепленная зеленой чешуей. Гигантская рыба морда с протухшим зевом и выпученными глазами-бельмами насаженная на его туловище, застывшее в трупном окоченении на алых подушках. Сложенные на груди руки, тюремная роба...

Он проснулся с бешено бьющимся сердцем и долго не мог заснуть, страшась закрыть глаза – до самой лагерной побудки. А потом все не находил себе места. Даже хотел было спросить у кого-то из бывалых – что мог означать такой гиблый сон. Однако не успел. Вечером того же дня его – то-

гда уже расконвоированного – встретили пятеро. С тремя из этой пятерки у Арнольда была открытая война, с остальными – неулаженный конфликт. Обычно в таких ситуациях он не терял бдительности и присутствия духа. А тут что-то ослаб – сплоховал, запаниковал. Его сбили с ног, ударив по голове прутom арматуры. Повалили на землю и начали дубасить ногами. Это на зоне называлось «сплясать ламбаду». Потом трое сели на него, избитого, измочаленного, придавив собственной тяжестью, заломили руки назад, свернули набок голову и засунули ему в рот железный прут. Нет, в этой драке они не собирались убивать его, мочить намертво, зарабатывая себе новый срок. Они просто ломали его – тогда еще молодого, небитого, зеленого, учили уму-разуму, смирению, почтительности. Ворочая железякой, они выбили ему передние зубы, вылущили их из десен, словно горошины из стручка.

Тогда он едва не умер от болевого шока, едва не захлебнулся собственной кровью. И потом долгих два месяца валялся в лазарете. На тюремно-больничной койке, точь-в-точь как во сне на той пышной кровати под алым балдахинoм.

Как во сне... Вот совпадение... И вот этот проклятый сон – сто раз забытый и вечно памятный – приснился ему снова сегодняшней июньской ночью. Уже не так ярко, устрашающе, однако...

Гнилая мертвая плоть... В комфортабельном салоне «Ми-

цубиси Паджеро», насквозь пропитанном ароматом бесчисленных роз, Арнольд, как и во сне, чуял ее тошнотворный запах. Они миновали Большие Глины. Дом Сулова стоял на отшибе. К нему вела специально проложенная бетонка. Окончательно стемнело. Свет фар да луна – а больше ничего яркого, летняя ночь.

– Кретин ты и дурак, – повторил Сулов. – И чему я тебя только учил, здоровье тратил? Зря только разговор затеяли, давление вон у меня подскочило. А чего мне, собственно? Твои это дела, твои проблемы – ты и решай.

Они подъехали к воротам. Ворота были новые, автоматические. Арнольд достал пульт, нажал кнопку, нажал вторую – никакого эффекта.

– Чертова электроника, вот кого в подвал-то забить – того, кто эту хренотень тебе устанавливал. – Он потряс пультом. – Когда чинили-то? В понедельник – и опять не открывается.

– Щас откроем так. – Сулов полез из джипа. – Слышь, цветы-то заberi. И это... корешок... не обижайся... если что вгорячах сказал не так, ты это... прости... Я ж как лучше хочу, болею за тебя... Щас придем и по коньячку... За мир-дружбу и за сына моего новорожденного, Игоря Аркадьевича.

Разминая ноги, затекшие от долгого сидения в машине, он направился к воротам. Арнольд распахнул заднюю дверь, сгребая букеты. От их сладкого тлена запершило в горле, зависть, жгучая зависть ужалила сердце. «Захотела б моей

быть, купал бы ее в розах, да что в розах, банк бы ломанул какой-нибудь, с деньгами увез бы ее, куда б захотела, эх, Фаня-Фаиночка! Змея ты подколо...»

Он услышал выстрел и в первое мгновение не ощутил никакой опасности, просто безмерно удивился. Руки его были заняты охапкой лилий и роз, и он не успел среагировать, как должно. Не успел выхватить из-за пояса свой пистолет, который по старой привычке всегда возил с собой, даже на свидание с Фаиной. Пуля ударила его в затылок, и он рухнул на колени, ткнулся лицом в заднее сиденье, в цветы, которые, как из рога изобилия, посыпались на кожаные подушки из его разжавшихся рук. Он не слышал, как хрипел раненый Суслов – пуля угодила ему в живот, но он не упал, лишь согнулся, зажимая рану. В ночи прогремели еще два выстрела, но их он тоже уже не услышал. Не услышал и чьих-то быстрых шагов, приближавшихся из темноты.

Глава 3

МИЛЫЕ БРАНЯТСЯ, ТОЛЬКО...

– И ничего страшного. Пусть отправляется на все четыре стороны. Дурь в конце концов соскочит, вернется к тебе как миленький!

Анфиса Берг погрозила пухлым кулаком. Угрозу видели плюшевый бегемот да Катя – Екатерина Сергеевна Петровская, по мужу Кравченко. Но предназначалась угроза не им.

– А то ишь чего захотел, чтобы ты собственность его была полная, чтобы под дудку его все время плясала. Вадичка то, Вадичка се, это он любит, этого терпеть не может. А может быть, ты как раз то любишь, что он не выносит? Так что же, пусть всегда он один командует? Какой командир! Подумаешь! – Анфиса подбоченилась.

Разговор происходил в Катиной квартире на Фрунзенской набережной, куда подружка Анфиса в который уж раз была вызвана в качестве скорой помощи – утешать и подбадривать. Анфиса была в курсе всего. Более того, события последних недель, приведшие к такой вот неожиданной развязке, происходили у нее на глазах. То, что случилось в подмосковном Мамоново-Дальнем, затронуло и саму Анфису и заставило ее в корне поменять свое мнение о таком человеке, как начальник отдела убийств областного ГУВД Никита Ко-

лосов. После событий в Мамоново-Дальнем Анфиса всецело была на его стороне, утверждая, что он вел себя безупречно и героически. А поэтому на долю Катиного мужа, Вадима Кравченко, у нее сейчас не оставалось ничего, кроме гневных филиппик и упреков.

Результатом мамоновской эпопеи стало то, что Колосов в ходе задержания преступников получил травму и со сломанными ребрами угодил в госпиталь МВД на Октябрьском Поле. Катя, естественно, навещала его там. Однако ее визиты в госпиталь пришлись не по вкусу мужу Кати – Вадиму, именуемому на домашнем жаргоне Драгоценным В.А. Первый визит он переварил с мрачно-оскорбленным видом. После второго демонстративно укатил с закадычным другом детства Сергеем Мещерским в сауну и столь же демонстративно напился. После третьего объявил с непроницаемым лицом, что по заданию своего работодателя Чугунова уезжает в Прагу надолго, скоро не жди.

Сел на самолет, прихватив с собой все того же безотказного Мещерского, и улетел. И даже не позвонил Кате, а, наоборот, назло вырубил свой мобильный. С этого времени миновала уже неделя, и Катя... Да она места себе не находила! Честное слово, какой-то вины своей перед Драгоценным она не чувствовала. Не ее вина была и в том, что Кравченко по целому ряду причин не переваривал начальника отдела убийств. А тот, в свою очередь, никогда не звал его по имени, а только официально «твой муж». О пражском времяпре-

провожении Драгоценного у Кати были самые скучные сведения – ей почти украдкой звонил Сергей Мещерский, тоже оказавшийся в этой ситуации между двух жерновов. Последний звонок был вот только что – Мещерский сообщил, что они из Праги едут в Западную Украину, в Карпаты. Голос у него был какой-то необычно тихий, тревожный.

– Я больше всего боюсь, что Вадька там попадет в какую-нибудь историю. Ему плохо будет, а он из упрямства даже не захочет со мной... – Катя жалобно глянула на Анфису. – Я чувствую, что у них там творится что-то неладное.

– Не выдумывай. Ничего не творится. Пива наглотались, теперь в горы потянуло хлопцев, – пробасила Анфиса. – Ты говоришь, его босс туда направил, ну, а босс у него тот еще жук, самому под семьдесят уже, а все девок подавай. Погуляют там, в горах, пошалят – мужики ж, – встряхнутся и... Вернется как миленький!

– Анфиса, но я...

– Да ты все правильно делала. Что ты все оправдываешься-то? А как ты должна была поступить, интересно? Никита, между прочим, вообще, по-моему глубокому убеждению, настоящий герой, а этот твой Драгоценный – эгоист, зануда капризная! Сам бы попробовал на том мамоновском кладбище один против колдовской банды... Он в теплом кресле сидел, пиво дул, футбол смотрел, а Никита в это время бился, как лев! И вообще, ты мне тут не рассказывай такого-всякого, я сама там с тобой была и все помню. И если бы ты, в

угоду своему Драгоценному, в госпиталь не поехала друга и коллегу проведать, я бы... Да я бы знать тебя тогда не захотела, вот так! – Анфиса топнула ногой. – И вообще, ты бери пример с меня. Костя мой сколько мне обещал, что уж летом-то мы с ним точно куда-нибудь вдвоем махнем. А что на деле получилось? Вернулся из этого своего сводного отряда и – по путевке в Анапу со всем своим семейством. С ней, с женой, а не со мной.

У Анфисы имелась своя сердечная драма – она по уши влюбилась в Константина Лесоповалова, коллегу Кати по службе. У них завязался роман, но Лесоповалов был женат, имел маленькую дочь, престарелых родителей, которые души не чаяли в невестке своей (вот редкость, вот незадача!). Короче, о разводе он пока и не помышлял. С Анфисой встречался регулярно и расстаться, видно, тоже не мог. От проблем и сердечных коллизий он даже отправился, как Печорин на Кавказ, в горячую точку. Ну, а после возвращения оттуда на первый план вышла, конечно же, семья...

– Костя там с ней сейчас на пляже где-нибудь, – вздохнула Анфиса. – А я, видишь, ничего, даже не очень переживаю... – Она вдруг всхлипнула. – Это все потому, что я толстая. Конечно, он отвык от меня, вернулся, увидел, какая я жирная корова, и... Все, вообще теперь ничего есть не буду! Лучше с голода умереть, чем этот жир, этот целлюлит проклятый носить с собой всю жизнь, как клеймо!

Через четверть часа, успокоившись, они пили чай на кух-

не и ели вкуснейший клубничный торт со взбитыми сливками, привезенный Анфисой в качестве сладкого лекарства подруге.

– Никита уже вышел из больницы? – спросила она.

– Да, уже к работе приступил. – Катю в этот момент мало занимал начальник отдела убийств. Где, как там Драгоценный? С какой стати они с Серегой из Праги поехали на Украину?

– Я бы на твоём месте завтра же к нему заглянула, – посоветовала Анфиса, прожевывая кусок торта. – Назло своему капризному домостройщику.

– Хорошо, завтра проведаю, – пообещала Катя.

Она и не подозревала, прологом к каким событиям станет это ее машинальное обещание Анфисе.

Глава 4

ЗАГАДОЧНЫЕ УЛИКИ

На следующий день, солнечный, июньский, выкроив свободную минуту, Катя отправилась в управление уголовного розыска. Благо было недалеко – спуститься с четвертого этажа главковского здания, что в Никитском переулке, где располагался пресс-центр, на второй этаж в пристройку.

В отличие от прочих суматошных дней в штаб-квартире сыщиков на этот раз было тихо, блаженно.

– Все на стрельбах, Екатерина Сергеевна, спортивная подготовка сегодня по графику, – сообщил Кате дежурный.

– И начальник отдела убийств тоже?

– Нет, он у себя.

Прежде в спортивный день Колосова было не застать в кабинете. А сейчас, видимо, предстояло делать скидку на недавнюю боевую травму. Катя открыла дверь. Ба! На столе – обычно пустом – горы папок, кипа бумаг. Сейф открыт. И кажется, что Никита Колосов, поглощенный его содержанием, вот-вот нырнет туда, в эти стальные недра. На стуле кокетливо раскинулся бронежилет. С полки свисает пустая кобура. Комиссар парижской полиции в исполнении незабвенного Лино Вентуры косится на вас с полинялого плаката на стене. Монитор компьютера мигает – явно что-то стряслось,

завис трудяга электронный. Внезапно из сейфа что-то посыпалось: бац-бац, шлеп, шлеп! Катя подумала – патроны, оказалось – нет, дискеты и CD-диски. Колосов в недрах сейфа что-то свирепо прорычал, оглянулся, увидел Катю на пороге и...

– Никита, привет. С выходом на работу тебя сердечно поздравляю! Ура!

Дискеты продолжали сыпаться из опрокинутой коробки. «Как у него лицо меняется, когда он улыбается, – подумала Катя. – Ему надо чаще улыбаться».

– Привет. – Он сразу бросил все и направился к ней.

Катя вспомнила, как навещала его в госпитале. Драгоценный бесился и ревновал ее именно к этим визитам, а к чему, собственно, было ревновать? Она являлась, нагруженная фруктами и пакетами с соком. Фруктов Никита был не любитель, соки он пил, возможно, только в далеком детстве, и то вряд ли. Друзья и сослуживцы, которых у него тьма, привозили в госпиталь в основном пиво и коньяк. Бражничать в отделении травматологии, естественно, строжайше запрещалось. И они всей шумной компанией уходили гулять в больничный парк, где в заросшей жасмином беседке и поднимали тост за удачно раскрытое дело, увы (что ж, бывает, издержки профессии), ставшее прологом к больничной койке. Катю на медпосту каждый раз спрашивали: «Вы жена его будете?» И каждый раз, отвечая: «Нет, коллега по работе», она замечала хитрое выражение на лицах медсестер: мол, зна-

ем, кто вы, нас на мякине не проведешь. В своей палате Колосов смотрел по маленькому переносному телевизору футбол и читал «Робинзона Крузо». Катя как-то привезла ему несколько современных детективов – Акунина, Степанову, но он детективы читать не пожелал, отдал в другие палаты, обменяв на «Пана Володыевского».

В этом польском романе речь шла, кажется, о неразделенной любви... Или Катя ошибалась? Вообще, порой ей казалось, что она там, в госпитале, – лишняя и что Колосову, закованному в гипс, не слишком-то приятно ковылять от кровати до окна у нее на глазах. О событиях в Мамоново-Дальнем, ставших всему причиной, об этом кошмаре, о котором Катя не могла вспоминать без дрожи, они не говорили¹. Вообще Колосов был крайне немногословен и чрезвычайно сдержан. Катя ловила на себе лишь его взгляды. И они были гораздо красноречивее слов.

Но вот и это прошло. Сломанные ребра срослись, и Колосов вышел с больничного. Здесь, в стенах розыска, в строгом официозе главка, все было совсем по-другому, чем в госпитале или же там, на темном мамоновском кладбище, которое едва не стало для сыщика последним пристанищем.

Слава богу, тогда все обошлось! О том, что спасла его, по сути, она, Катя, они тоже не говорили вслух, но...

– Чем это ты занят? – спросила Катя, кивая на сейф. Он

¹ Подробней об этом читайте в романе Т. Степановой «Рейтинг темного божества», издательство «Эксмо».

направлялся к ней с таким видом, словно собирался поцеловать – здесь, среди всего этого набившего оскомину милицейского официоза, всерьез и страстно. – Ревизию затеял или к министерской проверке за полгода готовишься?

Улыбка на его лице... нет, она не погасла, осталась. Но словно кто-то где-то уменьшил яркость излучения.

– Здравствуй... привет... Да диск куда-то пропал. Диск с программой, вот хочу перезагрузить...

Чтобы Колосов перезагружал что-то сам в своем компьютере – это тоже была небывалая новость. Обычно для этих целей посылался SOS в информационный центр: пришлите младшего лейтенантика, юного аса программирования.

– Вообще, пора порядок навести, что на уничтожение, что в архив. А что же ты стоишь, садись, пожалуйста.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Катя заботливо.

– Отлично.

– Болей нет?

– Нет.

– Тебе все равно надо быть осторожным. Не делать резких движений.

– Совсем никаких? – спросил он. – Совсем-совсем?

Ну, вот что он хочет выразить этим своим «совсем»? Поди догадайся с трех раз?

– Ну, я рада, что ты выздоровел, что ты на работе. Я пойду, мы еще увидимся.

– Так торопишься от меня? А, кстати, как любимый муж?

Здоров, не кашляет? Со спортом дружит? Штангу каждый день выжимает, тренируется?

– Он уехал по делам за границу.

– Ах, за границу! Ну, конечно же.

– Они с Сережей уехали, Мещерским.

Колосов помолчал – упоминание Мещерского, с которым он дружил, всегда смягчало самые острые словесные пикировки.

– Навещал Серега меня. И вроде никуда ехать не собирался.

– Так получилось, Никита.

– Может, сходим сегодня куда-нибудь после работы? В кафе посидим на Арбате?

Катя склонилась над клавиатурой компьютера.

– Нашел диск? Давай я сама тебе установлю по новой.

– Значит, нет предложению?

Катя забрала у него диск. Последующие пять минут все ее внимание поглощал монитор.

– Не будет больше сбоев, – сообщила она как ни в чем не бывало. – Слушай, а что-нибудь интересное, новенькое у вас есть?

– В смысле перерезанных глоток и раскрытых черепов?

– Да, в этом самом смысле.

– Для пресс-центра, для твоих читателей? Ну, как же, полны закрома у нас этого добра. – Колосов порывисто (слишком даже порывисто) схватил со стола груды папок. – Вот,

забирай, архивная сенсация на сенсации, ты ведь только за этим и пришла, да? Сто громких тем для ста громких очерков. Журналистская премия, фильм по следам событий.

– Никита...

– Ну что, Никита?

– Никита, пожалуйста...

Он засопел. Он напоминал мальчишку – обиженного, раздосадованного первой, самой первой и самой главной в жизни неудачей. А сейчас – какой уже по счету?

– С тобой порой ужасно трудно, Никита.

– Да?

– Просто невозможно. Совершенно так же, как и с моим мужем. Если бы вы знали, как вы оба похожи!

– Я?!

– Ты. Слышал бы ты себя со стороны. Прости, это даже смешно.

– Я клоун, что ли, по-твоему? Весь вечер на манеже? – Колосов вздернул подбородок. – Ошибаешься. Унижаться не приучен. Не знаю, как там твой драгоценный муж, а я...

– Если будешь разговаривать в таком тоне, я вообще уйду.

– Уходи, пожалуйста.

– Всего хорошего, Никита.

«Что же это? – думала Катя, идя к двери. – Тот уехал, и с этим поругалась, кажется, вдрызг. Нет, ну за что, скажите? Что я такого сделала плохого?»

– Катя, подожди, постой.

Колосов преградил ей путь.

– Извини меня. Ну, извини, я...

– Ох, давай-ка лучше о делах. – Катя покачала головой. –

Шеф уже что-нибудь тебе поручил или еще не успел?

– Пока ничего особого. Ты присядь, пожалуйста. – Колосов засуетился. – Пока в курс дел вхожу. Полугодие вот надо закрывать... шесть чертовых месяцев...

– И что, никаких дел интересных?

– Ничего стоящего твоего внимания. – Колосов глянул на нее в упор. – Если взять за образец наше с тобой последнее дело, то... Нет, ничего такого, даже близко.

– Никита, меня «Вестник Подмосковья» сожрет. Они же ты знаешь какие людоеды. И у них еженедельная рубрика. Ты понимаешь, что это такое? А у нас приказ начальника – сотрудничать, информировать широкую общественность о работе органов правопорядка. Ну, хоть что-то для криминальной хроники, а?

– Не знаю. Вот есть мура одна недельной давности.

– Убийство?

– Двойное.

– Двойное? – Катя оживилась. – А говоришь, ничего интересного. Два трупа, это уже полсенсации. Кто убит?

– Да в Пушкине, в Больших Глинах – есть там такой поселок, – замочили одного криминального авторитета и его водилу. Они домой возвращались на автомашине, так прямо у ворот дома их кто-то и расстрелял. – Колосов нехотя вклю-

чил налаженный компьютер, отыскал нужный файл. – Я вышел, мне теперь этим и заниматься придется, расхлебывать всю эту ихнюю кашу.

– Разборка криминальная, да?

– Да вроде похоже, я так мельком вчера глянул материалы. За неделю особо никаких подвижек, кроме заключения судмедэкспертизы. Стреляли по обоим с близкого расстояния. Прямо из кустов, что у забора растут. Глины эти Большие – место так, дохлое. Не сказать, что совсем деревенская глухомань, но и не проезжая дорога. Убийство около полуночи произошло. Дом на отшибе стоит, соседи из поселка выстрелы слышали, но... Кто значения не придал, подумал, это петарды ребята на пруду запускают. А кто просто поболся нос не в свое дело совать.

– Значит, нет свидетелей?

– Пока не установлены.

– А как фамилии потерпевших?

– Аркадий Суслов – это хозяин дома. Богатый мужик. А водителя фамилия Бойко, зовут Алексеем. У одного кличка Аркаша Козырной, у другого Арнольд.

– Выходит – бывалые люди? За что сидели?

– Суслов по молодости за грабежи, потом за сутенерство и притоносодержательство. Бойко за угон и разбойное нападение.

– Они оба входили в какую-то организованную преступную группировку, да?

– Входили, но не здесь. Оба родом из Хабаровского края. Весь их послужной список в основном сибирский и дальневосточный. В Подмосковье перебрались примерно пять лет назад. Суслов со временем бизнес себе прикупил – сеть автосервисов у него. Ну а Бойко при нем что-то вроде личника и вышибалы.

– А у нас успели засветиться? Вообще тебе лично они знакомы?

– Да не особо, Кать. – Колосов пожал плечами. – По крайней мере, имена не на слуху. В позапрошлом, что ли, году проверяли мы этого Аркашу Козырного по одному убийству. Грузина в Адлере замочили – кстати, при схожих обстоятельствах расстреляли в машине. Нам запрос пришел и отдельное поручение. Вроде бы бизнес, который Сулову теперь принадлежит, был раньше этого адлеровского. Проверяли мы, но доказательств причастности Аркаши к тому убийству не выплыло.

– Ну да, конечно, дело-то в Адлере, а вы тут, – усмехнулась Катя. – Я шучу, шучу. А то сейчас опять скажешь, что я...

– У меня такое впечатление сложилось, что Аркаша Козырной завязал, ну, в смысле, успокоился, выдохся, – сказал Колосов. – У нас в Пушкине на покое, на вольных хлебах решил пожить. Замок себе отгрохал в этих самых Больших Глинах. Женился. Пятый десяток мужику, года, как говорится, шалунию рифму гонят.

– И как думаете раскрывать все это?
– Да уж как-нибудь раскроем, ты за нас не волнуйся.
– А фото с места происшествия можно посмотреть?
– Можно. Для тебя все можно.
– А скачать? Сам понимаешь, как только раскроете, я сразу материал в «Вестник Подмосковья» – репортаж по горячим следам.

Колосов вызвал файл с фотографиями. И Катя увидела снимки с места происшествия. Черный джип у ворот с распахнутыми створками. Возле него на забетонированной площадке два труп.

– Кто из них Аркаша Козырной, а кто Арнольд?
– Этот вот босс, а этот водила. У босса сквозное ранение в живот, несовместимое с жизнью, и в голову, в висок, – похоже на контрольный выстрел. Бойко – Арнольд – убит выстрелом в затылок.

Мертвецы на снимке были похожи, словно двое из ларца. Оба здоровенные, толстые. На Суслове были белые брюки, дорогая замшевая куртка рыжего цвета. Бойко был в черном костюме и белой рубашке с отложным воротником – все явно известных марок.

– У них что-нибудь похищено?
– Машина, как видишь, джип «Мицубиси Паджеро», на месте, ключи от дома целехоньки, и дом не вскрыт, цепи на них золотые на обоих, у Суслова «Ролекс» на руке. Ничего не взято, кое-что даже добавлено.

– Добавлено? Ой, а почему это у них в машине так много цветов? Словно на похороны.

– Суслов домой вез. У него жена родила, может, ей вез презент? А может, сажать хотел у себя на участке?

– Такие цветы никто не сажает. Они же срезаны, в букетах уже, – возразила Катя, разглядывая снимок.

Ей показалось, что на фоне рыжей замшевой куртки мертвеца что-то выделяется – желтое, как цыпленок.

– Чего это за пятно тут такое? Дефект пленки?

– Снимки цифровые, это не дефект, это вот что. – Колосов показал на мониторе новый снимок крупным планом.

– Еще цветок? Надо же. – Катя вгляделась. – Желтый?

– Желтый. Вроде как искусственный.

– Искусственный? Бумажный, что ли?

– Из пластмассы. Следовательно его изъял как улику. И еще изъял вот что.

На новом снимке крупным планом на фоне белой сорочки мертвого Бойко-Арнольда было заснято что-то непонятное, похожее на кусок зеленой веревки с листьями.

– А это что за дрянь? Смотри, прямо у него на груди лежит. Это так было, да?

– Так и обнаружено. Не знаю, что это, вроде какое-то растение.

– Тоже из пластика?

– Нет, в протоколе записано, что натуральное. Живое, в общем.

– И что это, по-твоему, может означать? – спросила Катя.

– Будем разбираться. Вещи положены на трупы непосредственно сразу после убийства, так что это не что-то случайное. Смахивает на какую-то демонстрацию.

– Демонстрацию чего?

– Катя, мы будем разбираться. Я буду разбираться.

– А может, это у них какой-то мафиозный знак? Символ свершенной мести? Эти двое – они же типичная мафия. Ну, вот и получили от своих же, – с ходу нашла решение Катя. – «Цветок у него во рту».

– У кого?

– Фильм был такой про сицилийский клан. Мафиози тем, кому мстили, гвоздику засовывали в рот. Только вот не помню – красную или белую. А цвет как раз и важен. А тут у нас желтый. Как этот цветок называется?

– Понятия не имею.

– Ты про мафию сицилийскую не забудь. Наши братки сейчас их всю копируют. Возможно, и тут что-то слизали.

– Пули и одна стреляная гильза с места изъяты. Тебя оружие интересует или одни только гвоздики во рту?

– Что-то не так с оружием?

Ответить Колосов не успел, в кабинет заглянул дежурный.

– Владимир Федорович из прокуратуры приехал, – доложил он (Владимиром Федоровичем звали начальника управления, непосредственного шефа Колосова). – К себе в кабинет пошел, просил срочно вас найти.

– Иду. Катя, подожди меня. – Колосов показал на снимки. – Эти можешь скачать, а вот это и это пока рано. Позже, если раскроем.

«Да уж, если раскроете», – подумала Катя, глядя ему вслед.

Глава 5

СКАЗКА, РАССКАЗАННАЯ НОЧЬЮ

Направляясь к шефу, Никита Колосов не сомневался, что перспективы для раскрытия этого дела пусть и не самые радужные, но вполне реальные. Он и не подозревал, чем обернется для них эта на первый взгляд самая типичная криминальная разборка. Он сразу уверил себя, что это именно разборка. А что же еще – при таких обстоятельствах?

В разговоре с Катей он поскромничал, ведь он не только «мельком» глянул материалы, но сразу же вечером вызвал к себе на встречу агента Пашку Губку. Губка – пацан был не промах, но однажды крупно погорел. Пекся он всегда только о своих интересах, верно сек текущий момент и поэтому порой давал довольно ценную информацию. Однако, когда Колосов напрямую спросил его, что ему известно об убийстве Аркаши Козырного и Арнольда, только пожал плечами, скривился – ой, не спрашивай, начальник, хрен его знает, что там с ними стряслось. Пашку Губку они с коллегами основательно выжимали и в прошлый раз, когда Аркаша Козырной, еще целый-невредимый, проверялся на причастность к убийству в Адлере. О его подручном Арнольде тогда, помнится, вообще речи не шло.

– Не знаю, ничего про них обоих не знаю, Никита Михалыч. Феня едрена, да если б было что – а то нет, глухота, полный п... – частил Губка, быстро облизывая тонкие губы. – Не наш ведь он, пришлый.

– Крутой?

– Кто его поймет, феня едрена, вроде да, вроде нет. Де-нежный. Деловой.

– Кто-нибудь на его бизнес не пытался наехать в последнее время?

– Да вроде нет, слухов таких не было.

– И все же узнай, Паша.

– Само собой, узнаю, только нет... Наоборот, вроде другие слухи ходили.

– Какие же?

– Мол, Козырной с томилинцами и с людьми Горелого любовно договорился обо всем. И они его приняли.

Томилинская и гореловская ОПГ были на тот момент самыми влиятельными в столичном регионе, и между ними то яростно вспыхивала, то тускло тлела вражда за первенство. Но если «пришлый» Козырной сумел договориться с обеими сторонами, то...

– Адлеровский след?

– Там вообще ништяк, глухота. Феня едрена, да когда еще разговор-то об этом грузине был, неужели бы я, если что узнал, не... – Губка обиженно оттопырил губы. – Рази я когда подводил?

– А то нет, – хмыкнул Колосов.

Пакостно было общаться с Губкой, и воняло вечно пако-стью какой-то от него, тухлятиной, несварением желудка, на-скоро заглушенным дорогим французским парфюмом.

– По Арнольду что знаешь? – спросил он.

– В казино он одно время подвизался. Это уже тут, в Москве. Потом Козырной его к себе взял. Земляки они, дела их прошлые связывают.

– Сам-то что думаешь об их смерти?

– Мое дело десятое. Жили-жили, были-были, да сплыли.

– По какой причине сплыли?

– Видно, помешали кому-то, на пути встали капитально.

Тогда-то Колосов и вспомнил снова о цветах в машине Ко-зырного. «У него ведь жена молодая осталась с новорожден-ным. Черт, а может, все гораздо проще, а? На пути встал... На это самое вон и Губка намекает. Надо будет к этой ново-испеченной вдове съездить, допросить».

– Ладно, по этому делу работай, Паша, в поте лица. И если что не так, ты меня знаешь.

– Да феня едрена, Никита Михалыч, и вы, что же, первый раз меня знаете?

Напоследок Колосов показал агенту снимки с места убий-ства. Губка разглядывал покойников, жалостливо цокал язы-ком.

– А это чегой-то на них такое лежит? – спросил он с лю-бопытством.

Улики и правда были странные – желтый искусственный цветок и какая-то ползучая зеленая лиана.

– Прокатались на джипе с букетами, пацаны, – резюмировал Губка. – Эх, все там будем когда-нибудь.

Об оружии Колосов не стал задавать ему вопросов. И сейчас, идя к шефу в кабинет, думал – правильно сделал, что не спросил.

В приемной его окликнула новая секретарша шефа. «Звонили из министерства, от самого Сизова, – зашептала она. – Владимир Федорович просил поставить вас в известность. Чтобы вы были в курсе и там у него сейчас, – она многозначительно кивнула на дверь, – лишних вопросов не задавали».

– Лишних?

– Там у него двое. Из министерства звонили как раз насчет одного из них – Балмашова. Владимир Федорович, – она включила переговорник, – Никита Михайлович здесь.

Колосов зашел в кабинет. А это еще что за новость? Блатные? Шеф блатных, то есть тех, по поводу которых звонят «сверху», не переваривает. А кто, скажите, их переваривает?

Напротив шефа в креслах сидели двое мужчин. Перед ними на столе дымились чашечки кофе.

– Это майор Колосов, начальник отдела убийств, человек опытный. – Шеф представил Никиту посетителям. – Вот ему и расскажете все, что с вами случилось. Не беспокойтесь, не волнуйтесь, меры мы обязательно примем. А теперь, изви-

ните меня, я должен срочно ехать в прокуратуру.

«Ты же только что оттуда, – подумал с досадой Никита. – Понятно, сбавить хочешь визитеров-позвоночников».

– Пройдемте ко мне, – буркнул он. Ей-богу, ему сейчас тоже было не до бластных!

Катя скачала файлы на свободный диск. Посмотрела фотоснимки. Джип, наполненный цветами, выглядел как катафалк. На одной из фотографий были запечатлены густые кусты, росшие вдоль глухого бетонного забора, из-за которого выглядывала крыша дома. «Что там может быть не так с оружием? – подумала она. – Они провели баллистическую экспертизу, и результаты в чем-то вошли в противоречие с данными осмотра тел, так, что ли?» Но развить эту тему глубже не пришлось – Никита неожиданно вернулся в кабинет не один, а в сопровождении двух мужчин. Оба были высокие, на вид весьма приличные, ненамного старше Колосова. Один – тот, что поплотнее, покрепче – был одет в летний серый костюм, галстук в тон, чуть ослаблен из-за жары, а может, от волнения. Светлые волосы – на прямой пробор, черты лица немного расплывчатые – курносый нос, пухлые румяные щеки. В руке – портфель дорогой кожи и стильного дизайна. Второй заинтересовал Катю больше – высокий, худой, слегка сутулый зеленоглазый шатен. Нервный и порывистый, как юноша. И одет по-молодежному в потертые рваные джинсы и коричневую толстовку с капюшоном. Лицо, в общем, очень

неординарное, даже красивое, а вот взгляд странный – болезненный какой-то, беспокойный, затравленный.

– Тихомиров Сергей Геннадьевич, а это мой друг Андрей Владимирович Балмашов. – Блондин в костюме представил шатена в джинсах.

– Располагайтесь, прошу. Наш сотрудник Екатерина Сергеевна. – Колосов представил Катю, и она поняла, что он от чего-то не хочет оставаться с этой парочкой наедине.

Эти двое были сейчас для него как досадное недоразумение. Разговор начал Тихомиров, а из министерства, из приемной самого Сизова, звонили по поводу Балмашова – сорокалетнего «неформала» в тинейджеровском «прикиде».

– Дело в том, что... не знаю, с чего лучше начать... – Балмашов пристально посмотрел на Колосова, словно ища у него поддержки – непонятно пока в чем.

– Андрей, здесь нужны только факты. Пожалуйста, излагай факты, – мягко подсказал ему Тихомиров.

«Его тоже Сергеем зовут, как и Серегу Мещерского, – подумала Катя. – Какие разные люди могут носить одно и то же имя. Сергей, Сережа... Вадим, Вадичка мой... Где они сейчас? Что с ними?»

Она тоже воспринимала этих двоих как досадное недоразумение. Чужие люди, посторонние, с какими-то совершенно чужими проблемами.

– Я не знаю, как рассказать об этом, опираясь только на факты. Фактов не так уж много... – Балмашов кашлянул. –

Я хочу, чтобы вам сразу стало понятно, что я почувствовал в тот момент, чтобы вы сами все представили... Для начала один вопрос можно?

– Андрей, лучше расскажи, что произошло вчера, – уже настойчивее попросил Тихомиров.

– Нет, нет, сначала один вопрос вот к...

– Меня зовут Никита Михайлович, – напомнил Колосов.

– Да, простите. У меня мысли путаются. Один вопрос к вам.

– Пожалуйста.

– Вы когда-нибудь испытывали страх... нет, ужас смерти?

Колосов откинулся на стуле. Катя с недоумением уставилась на Балмашова. Это еще из какой оперы?

– Андрей, ну, я прошу тебя, – сказал Тихомиров.

– Ответьте, потому что иначе это все бессмысленно – мои жалобы, этот наш приход сюда, беспокойство, которое мы причиняем, отрывая вас от работы... – Балмашов проигнорировал просьбу спутника. – Вы что-то подобное когда-либо чувствовали?

– Ну, положим, однажды, – невозмутимо ответил Колосов. И далее задавал вопросы или что-то уточнял по ходу разговора самым что ни на есть спокойным тоном.

– Тогда не все потеряно, тогда вы, возможно, меня поймете. Я очень сильно испугался вчера. Я не трус. Никогда не считал себя трусом. Но это было сильнее меня, сильнее того, что я сам думал о себе. Мне показалось... я подумал – все,

это конец. Со мной все будет кончено через минуту. Дело в том, что меня пытались убить.

– Расскажите по порядку, что произошло. И не надо так волноваться, Андрей Владимирович. Здесь вы в полной безопасности.

– Вчера я приехал домой около одиннадцати... Но это началось не вчера, а раньше, примерно две недели назад... Я...

– Простите, где вы живете?

– Поселок Троицкая Гора, я купил там участок три года назад и построил дом. Я живу там постоянно. Там очень красиво – лес, озеро.

– Вы живете один?

– С женой. Когда это началось, она была в Париже, гостила у отца... Прилетела только позавчера, я ее встречал в аэропорту. Она ничего не знает и не должна знать. Ей вредно волноваться и...

– Да вы сами не волнуйтесь так. Кофе хотите? – устало улыбнулся Никита.

– Если можно, покрепче, – попросил Тихомиров. – Там, у вашего начальника, мы не...

– Понятно, сейчас организуем. – Никита поднялся и включил кофеварку, стоявшую на подоконнике. В этот момент он оказался спиной к посетителям и лицом к Кате и скорчил такую мину, словно хватил уксуса. Но это длилось лишь мгновение. Когда он повернулся, лицо его вновь было доброжелательным.

– Я много работаю, возвращаюсь поздно. В течение этих двух недель мне часто казалось, что в мое отсутствие кто-то успел побывать в моем доме, – сказал Балмашов.

– Вы обнаружили пропажу каких-то вещей?

– Нет, ничего не пропало. Но я чувствовал, понимаете, чувствовал – кто-то был у меня. Вещи как-то странно перемещались.

– То есть? Я не понимаю.

– Ну, например, книги, альбомы в гостиной – я помню, как они лежали, я сам с ними работал, читал. А когда возвращался, все лежало не так. Каталог Сюзана, например, лежал сверху... А планы Ватиканских садов были переложены на другой стол, к лампе...

– Простите, вы кто по профессии?

– Я художник... оформитель, можно так это назвать. – Балмашов дотронулся рукой до виска. – Предприниматель, но не в этом суть... Однажды я вернулся и увидел на полу в центре холла осколки вазы. Когда я уходил, она была целой.

– У вас дома есть животные? Кошка, собака?

– Нет. Я хотел бы завести собаку, но моя жена, когда она со мной, а не у своего отца, не может... нет, нет, ей животные противопоказаны.

«Какой чудной тип этот Балмашов, как у него лицо держится – тик, что ли, нервный?» – Катя, притихнув в своем уголке, вглядывалась в посетителя.

– Может быть, сквозняк разбил вазу? – невозмутимо

предположил Колосов. Снова встал, налил гостям крепкого кофе. – Прошу, угощайтесь.

– Про милицию сейчас чего только не плетут, – хмыкнул Тихомиров. – Я думал, нас тут и слушать не станут. Взащей выгонят. А тут такое гостеприимство. Андрей, давай по существу, а?

– Но это и есть по существу. Это продолжалось почти две недели. Я сильно нервничал. – Балмашов не притронулся к кофе. – Я очень люблю свой дом, я сам его строил, занимался декором, дизайном, а тут вдруг я... я стал бояться его.

– Вы проверили замки? – спросил Колосов.

– Естественно, они не были взломаны, все было с ними в порядке.

– Вы их не сменили?

– Нет. Я не успел, много работы, срочные заказы.

– В ваш дом можно проникнуть еще каким-то способом? Окна как-то защищены? Решетками там или же...

– Я ненавижу решетки, я строил дом, а не домзак. – Балмашов покачал головой. – На окнах есть ставни, но я ими практически не пользуюсь.

– Понятно.

– Можно еще попасть в дом через гараж-пристройку, но там тоже все замки целы, я проверил. Однажды ночью... это было в прошлый четверг... я проснулся, словно от толчка. Я лежал в темноте... Дул сильный ветер, как раз гроза шла. Ветки качались за окном, царапали по стеклу. Но это были

живые звуки. А в доме же... Я почувствовал, что я не один.

– Вы слышали какой-то шум?

– Шум? Да, наверное... Знаете, как это бывает во сне? Что-то разбудило, испугало. Сердце обмерло. Я не трус, но какое-то время не в силах был пошевелиться, встать. Потом все-таки встал. Спустился в холл. Зажег свет.

– И что вы обнаружили?

– Никого и ничего.

– Я так и думал, – кивнул Никита.

– Что вы хотите этим сказать? – тихо спросил Балмашов.

– Ничего, продолжайте, прошу.

– Я могу выпить с друзьями, но я не алкоголик. Наркотики никогда не принимал, если вы это имеете в виду. Расстройствами воображения тоже не страдаю.

– Конечно, кто сомневается, продолжайте, пожалуйста.

– Позавчера вернулась из Парижа моя жена. – Балмашов помолчал. – Естественно, я ничего ей не сказал.

– Почему?

– Ей нельзя волноваться.

– Ага, понятно. И что же случилось дальше?

– Вчера, как я уже сказал, я вернулся домой в двенадцатом часу. Оставил машину у ворот и решил немного прогуляться перед сном, дойти до озера. Это совсем недалеко.

– Это действительно недалеко. Метров двести, не более, – вмешался Тихомиров. – Там кругом дачи в лесу разбросаны. Троицкая Гора место старое, уютное.

– Уже почти стемнело. Я шел по дороге к озеру. Там у нас очень красиво. Я давно хотел посмотреть один уголок на берегу. Папоротники и рогоз узколистый, они там замечательно растут. А еще там отлично растет *Ajuga*...

– Что, простите?

– Живучка. – Балмашов улыбнулся. – Удивительный оттенок листьев, а ведь это дикорастущий экземпляр. И там полно ландышей. Они уже отцвели, но дело все в том, что я...

– Вы в ботанике хорошо разбираетесь. Только я одного не пойму – как вы на все это любоваться хотели – ночью. Ведь сами говорите – стемнело уже.

– Светила луна. Потом, у меня был фонарь.

– Так что же с вами произошло?

– Андрей, факты давай, – поторопил Тихомиров.

– Я шел по дороге. И понял, что за мной кто-то идет. Я оглянулся... там такие густые кусты. Тень мелькнула. И пропала. Я решил, что мне показалось. Постоял. Подождал. А когда двинулся дальше, почувствовал, что меня снова преследуют. Я не трус, повторяю. Но у меня мурашки по спине поползли. Я почувствовал угрозу... Этот страх... ужас смерти, ощущение было как там, в доме, когда я проснулся в ночи.

В кабинете воцарилась мертвая тишина. Катя смотрела на Балмашова. Он так внезапно резко замолчал. На лбу его и сейчас выступили капельки пота. Внезапно он сделал рукой резкий судорожный жест, словно ловил что-то в воздухе –

невидимое, ускользающее. Смысл, слово, метафору...

Он как будто ждал от них подсказки. Словно они могли помочь ему – продолжить, закончить начатую историю. Но что они могли подсказать ему? Эти стены в кабинете уголовного розыска слышали немало самых разных историй – порой страшных, порой странных, даже несуразных. «Я его убил», «меня хотели убить» – все это уже было когда-то с кем-то. Но это... Страх, ужас смерти...

«Что с ним случилось – с этим человеком?» – Катя ощутила, что странное состояние Балмашова внезапно передалось и ей. Почему он об этом так говорит – вот так... *жутко?*

– Я вытащил фонарь, но он не работал. Тогда я швырнул его в кусты и побежал к дому. Я слышал шаги за спиной. Кто-то гнался за мной. Я не видел его в темноте, в этих зарослях, но это было так... так, словно за вами гонится хищник, а вы его добыча. Я не трус, но в этот момент я потерял над собой всякий контроль! Меня догнали, сильно толкнули, я упал, и мне что-то набросили на голову. Я начал задыхаться, меня стали душить.

– Пожалуйста, голову чуть поднимите. Подбородок вверх, – попросил Колосов. – Когда, вы говорите, это с вами произошло? Вчера вечером? На шее у вас никаких следов – ни синяков, ни ссадин, при попытке задушить руками или удавкой они обычно всегда налицо.

– Мне набросили на голову что-то вроде пластикового пакета, – сказал Балмашов. – По крайней мере, это было похо-

же. Я задыхался... чувствовал, что мне конец. Тот, кто напал на меня, был сильнее. Я пытался сопротивляться, пытался вырваться, но мне не хватало воздуха, я начал терять сознание. Этот страх... ужас смерти, он парализует... Я был в его власти... Я чувствовал, как жизнь уходит... И в этот момент хватка ослабла. Меня ударили по голове. И я потерял сознание. Когда очнулся, понял, что могу дышать свободно. Я лежал на дороге в темноте. Кое-как поднялся, пошел домой.

– То, чем вас пытались задушить, – этот пакет, где он был?

– Не знаю, видимо, его с меня сняли, когда я был в отключке.

– Вы не звонили в милицию?

– Нет, я был в сильном шоке... очень сильным, но я боялся напугать жену. Я сказал ей, что поскользнулся на берегу у озера. Утром по телефону все рассказал Сереже.

– Он мне сразу позвонил, – подтвердил Тихомиров. – Я настоял, чтобы Андрей обратился в органы, это дело серьезное.

– Значит, вы утверждаете, что на вас было совершено покушение. Вас кто-то пытался убить. Кто это мог быть, по-вашему?

– Я не знаю.

– По существующему правилу вы должны написать заявление, изложить в нем факты. Будет возбуждено уголовное дело.

– А без заявления никак нельзя? – спросил Балмашов.

Колосов смотрел на него. Ну, конечно же. Это и есть самое главное – без заявления. Блатной. Звонили из министерства. Шеф поручил.

– Оставьте мне свой адрес и телефоны, – сказал он сухо. – Я с вами созвонюсь и лично подъеду. Разберемся, что и как. Пока мой совет вам – смените замки. И поздно в безлюдных местах в одиночку не гуляйте. Вас, возможно, пытались ограбить. Вон у вас какие часы на руке.

– Они вчера были на мне, – ответил Балмашов. – Их не взяли.

Тихомиров поднялся первым, вытащил из пиджака визитки, положил Колосову на стол.

Колосов пошел их провожать вниз, до проходной главка. Катя снова терпеливо ждала его возвращения. Взяла одну из визиток – ей попалась как раз тихомировская – «Тихомиров Сергей Геннадьевич, ТОО «Царство Флоры», Афанасьевский переулок, 7, телефоны, факс, адрес в Интернете».

– Так о чем мы с тобой говорили? – спросил Колосов, вернувшись. Спросил так, словно и не было этих двоих и этого странного рассказа.

– Мы? Об убийстве... об оружии... Никита, а это что за типы такие?

– Это... не бери в голову. Просто двое блатных. Один типичный параноик, как видишь.

– Параноик?

– Ага. Яркая выраженная мания преследования. Шеф мне

этого Балмашова сбагрил, а сам устранился. Ему из министерства звонили, видно, чей-то там родственничек. Так что отфутболить параноика никакой возможности не было.

– Он так все это рассказывал... Мне даже не по себе стало.

– Просто еще один псих, только со связями. Весной такие к нам пачками прут, сама знаешь – весеннее обострение.

– Сейчас лето, Никита. Но ты к нему все-таки поедешь, все проверишь?

– К кому? К этому? – Колосов сгреб со стола визитку Балмашова. – Ну, конечно же, придется. Только зря время потрачу.

– Почему?

– Потому что все это ложь, сказки.

– Сказки?

– Плел, плел, ну прямо классический набор параноика – в дом кто-то к нему в его отсутствие лазит, кто-то следит, убить его пытались – а на шее никаких следов.

– Он же говорил, что на него мешок накинули полиэтиленовый.

– А-а, – Колосов махнул рукой. – Они все так говорят. То их лучами инопланетяне облучают, то душат – недодушат никак. Съезжу, гляну. Спасибо – заявление не стал, придурок, писать. Видно, сам почуял, что куда-то не туда салазки загнул. Так о чем мы с тобой говорили?

– Об оружии.

– А до этого? Ты сказала – муж твой уехал. А я предложил

сегодня вечером...

– Мы говорили об оружии, Никита, – вздохнула Катя. Ее покорило то, как он отнесся к услышанному. Не стал особо вникать в детали, даже толком не расспросил этих двоих. С Балмашовым и правда разговаривал как с больным – «конечно, конечно, продолжайте, продолжайте». А в результате...

– По данным баллистической экспертизы, в Аркашу Козырного и Арнольда стреляли... Эй, Кать, ты где, о чем задумалась?

– Так, я тебя слушаю внимательно.

– Придурка этого выкинь из головы, забудь. Так вот, в них стреляли с расстояния примерно в пять метров, из кустов.

– Ты об этом уже говорил.

– На месте убийства были обнаружены пули и гильзы от пистолетов «ТТ».

– Пистолета?

– Нет, именно двух разных пистолетов одной и той же марки.

– Значит, убийц было двое?

– По данным экспертизы, траектория выстрелов идентична. Всего было сделано пять выстрелов, Козырному пуля в живот попала, Арнольду – Алексею Бойко – в затылок, еще две пули угодили в машину. Контрольный выстрел в голову Козырному был сделан в упор. В них стреляли из двух пистолетов, с пяти метров и при этом мазали, понимаешь?

– Не совсем.

– Стрелок был один. Стрелял с двух рук и не слишком метко. На профессионального киллера не похоже. Скорее на дилетанта.

Глава 6

НАСЛЕДНИК И ОПЕКУНЫ

Следующее утро Никита Колосов целиком решил посвятить Большим Глинам. После госпиталя входить в нормальный (а точнее, ненормальный, сумасшедший) ритм «суровых милицейских будней» было ой как непросто. Поездка с ветерком за город на недавно приобретенном подержанном «БМВ» (старая «девятка» после событий в Мамоново-Дальнем не подлежала восстановлению) – это было как раз то, что надо. И полезно для дела, и не так нудно, как, например, главковская коллегия или муки творчества по сочинению рапортов.

О вчерашних посетителях он и не вспоминал – потом, успеется, может, вечером и заглянем на огонек к шизику-фантазеру. А может, и нет, как обстоятельства сложатся в этих самых Больших Глинах.

Двое сотрудников из отдела убийств по поручению Колосова заново проверяли банк данных, собирая по Аркаше Козырному и Арнольду всю имеющуюся информацию – судимости, копии приговоров, места и сроки отсидок, криминальные связи. Срочные факсы были отосланы в Читу и Хабаровск. Скорых ответов оттуда Никита не ждал – оно и понятно, последняя ходка Козырного была восемь лет назад, и

вот уже пять лет, как он считался столичным жителем, а значит, в Хабаровском УВД был во многом сброшен со счетов.

Агент Пашка Губка не звонил, и от него тоже не стоило ждать каких-то там экстрарезультатов – губка, она и есть губка, пищит, пока давят, как только вырвется на волю – все, кранты, пока снова не надавишь. Так что в результате приходилось шевелиться, поворачиваться самому. Заниматься личным сыском. Против этого как раз Колосов ничего и не имел. После больничной скуки.

В Большие Глины он взял с собой двух лейтенантов – молодых, вчерашних студентов юрфака, выбравших милицию вместо службы в армии. Пусть привыкают, учатся. Займутся, например, там в поселке повторным опросом соседей (первоначальный обход домов не выявил никаких свидетелей, все предпочли молчать в тряпочку и не вылезать). Но капля, как известно, и камень точит, а в розыском деле главное – терпение и настойчивость.

Да, настойчивость и терпение.

И всю дорогу до поселка Никита скрепя сердце терпеливо слушал, как салаги-лейтенанты взахлеб пересказывали друг другу содержание очередной передачи «Комеди-Клуб». И ржали так, что, казалось, вот-вот лопнут. То, что они едут на место происшествия, где всего неделю назад отдали концы двое потерпевших, никак, казалось, их не трогало. А ведь это их самое первое дело, самый первый выезд! Никита вспомнил свой первый выезд на место происшествия (когда это

было, дай бог памяти) и жгуче позавидовал эмоциональной непрошибаемости своих молодых коллег.

На удивление, на шоссе в это утро не было пробок, и до самого Пушкина домчали весьма славно. Колосов был доволен новой машиной, мощным двигателем. Жал на газ и думал о Кате – посадить бы вот так рядом, дать этак под двести и увезти куда-нибудь далеко, на край света, к морям-океанам. Вспомнилась фотография с места происшествия – охапки цветов в машине Аркаши Козырного. «Жене вез, женщины любят цветы. Я бы тоже возил, – он представил себя с букетом на пороге Катиной квартиры. – Жених хренов...» Стало смешно и неловко. Сердце кольнула иголочка – нет, не будь дураком, не воображай, не надейся... Чужая жена... Вот угораздило-то влюбиться в чужую жену, да еще так... вот так... Эх, Катя – Катюша – Катерина Сергеевна...

И невдомек было сыщику, что недавно на этой же самой дороге, по пути в те же самые Большие Глины почти так же думал-тосковал тогда живой еще, а ныне покойный Арнольд – Леха Бойко. Имя женское повторял, правда, другое, но с теми же самыми забубенными интонациями...

Вот и говори – урка, браток. Вот и засылай сто запросов о судимостях и криминальных связях, вот и сравнивай...

А польский роман «Пан Володыевский» о роковой и безответной любви, прочитанный в госпитале, впечатлил и запомнился сердцем. Там тоже герой попытался было умыкнуть, увезти чужую жену. Но ничего хорошего из этого не

вышло. Однако...

Однако дорога свернула направо – на проселок. Дома, дома – старые деревенские хибарки, а между ними кирпичные замки за четырехметровыми заборами. Лай злых собак, водонапорная башня, маленький магазин и снова поворот – в поля. Вот уж и тот самый дом – тоже за высоким забором.

Место было голое. На отшибе. Спрятаться, чтобы стрелять по машине, было негде, кроме тех самых кустов, росших вдоль забора.

Колосов вышел из машины, приказал лейтенантам размяться в поселке, обойти все дома, расспросить жителей. Выстрелы слышали, хорошо, но, может, кто машину какую видел в тот вечер или еще что подозрительное.

Сам же он позвонил в калитку. Жена Аркаши Козырного, гражданка Суслова Анастасия, по его данным, уже вернулась из роддома домой, и именно с ней он и хотел встретиться.

Но открывать никто не трудился. Колосов снова энергично позвонил, постучал. Вернулся к машине, громко посигналил – может, спит вдова или с ребенком занимается, может, просто боится. Из-за забора окон было не видно – только черепичная крыша.

Он внимательно осмотрел ворота – автоматические, но в тот вечер отчего-то Аркаша Козырной не сумел их открыть с помощью пульта, ему вместе с охранником пришлось выйти, и тут по ним и начали стрелять вот из этих самых кустов. Кусты были так себе – днем не особо спрячешься, но тогда

уже успело стемнеть. В протоколе осмотра места не было записи о том, что возле кустов были обнаружены какие-либо следы. Интересно почему? Посмотрим, проверим. А вот почему – площадка перед воротами засыпана гравием, гравий и под кустами, черт бы его побрал.

И камер видеонаблюдения нет. Пожадничал Козырной, не установил средства наблюдения. Была бы камера над воротами – уже бы вовсю рассылали фоторобот убийцы.

– Кто там? – спросили из-за забора мужским молодым баском. Спросили настороженно и нелюбезно.

«Это еще что за новости? Еще один охранник? Вдова наняла?»

– Уголовный розыск области, майор Колосов.

Калитка медленно приотворилась – Колосова недоверчиво изучали.

– Давайте открывайте, полчаса вам звоню.

На пороге стоял молодой парень лет двадцати пяти в белой майке и спортивных брюках с лампасами. Круглая ушастая голова коротко стрижена, бицепсы накачаны, на шее – крест на серебряной цепочке.

«Охранник или любовник? Уже любовник? Так быстро? А что, по материалам, жена Козырного вроде как на четверть века моложе его была».

– Вы кто такой? – спросил Колосов, махая удостоверением перед носом парня.

– Я брат.

– Чей еще брат? Покойного?

– Насти брат, сестры моей, его жены.

– Предъявите документы.

– Они в доме.

– Идемте в дом. – Колосов буквально втолкнул парня в калитку.

Просторный участок. Посреди – разборный пластмассовый бассейн, вокруг шезлонги и лежаки, садовая мебель. Но все голо, деревья молодые еще, чахлые, тени нет. Травы, земли тоже не видно – все замощено бежевой плиткой. За бассейном – сарай, могучего вида беседка из мореного дуба, обстоятельный мангал – не то что шашлык, быка можно жарить на вертеле.

На крыльцо с ребенком на руках вышла молодая блондинка в спортивном костюме из розового бархата. Розовая кенгурушка и брюки плотно облегли пышные формы – вдова Суслова была хоть и юной, но весьма грудастой девицей.

И никакого траура по безвременно погибшему мужу – кормильцу и благодетелю. Розовая лента в русых волосах, макияж. Младенец на руках – красное сморщенное личико.

– Анастасия Павловна Суслова?

– Я самая, а вам что надо? – Голос тоже не слишком любезный.

– Дмитрий Лапин? – Колосов глянул в паспорт, сунутый ему парнем в майке.

– Это Митек, мой родной брат. Что вам надо? Вы с мили-

ции? Так были уже у меня с милиции. Допрашивали. Ничего я не знаю. Не было меня дома. Не было, понятно? Ребенка я рожала, вот. – Молодая вдова, как поленом, потрясла младенцем. Тот недовольно закричал.

«Все нервные какие-то», – подумал Никита. А над всеми этими нервными, нелюбезными громада трехэтажного кирпичного дома-замка под черепичной крышей, сауна и гараж, участок, бассейн, а где-то там – в дымке за горизонтом – сеть автосервисов, приносящих хороший доход, банковские счета.

– Брат теперь с вами тут проживает? – спросил он.

– Проживает и будет проживать. А что, я одна, по-вашему, тут должна торчать? Чтобы и меня угрохали?

– Когда вы последний раз мужа своего видели, Анастасия Павловна?

– Когда в роддом он меня отправлял. А потом там, уже на кладбище на Востряковском.

– А вы когда видели своего родственника в последний раз? – Колосов повернулся к брату.

– Не помню. Давно, год назад.

– У вас что, были плохие отношения с ним?

Брат что-то буркнул нечленораздельное, насупился.

– Аркадий родных моих сюда не приглашал, – ответила за него Суслова.

– Почему? Игнорировал?

– Говорил, что... что не его, мол, круга люди.

– Да он сам-то кто был? – вскинулся ее брат. – Тоже мне... Я сам сюда не поехал бы к нему, даже если б и позвал. Нужен мне такой родственничек... – Ругательство прозвучало зло и смачно.

И младенец на руках Сусловой заорал, словно негодуя, что кто-то смеет так непочтительно отзываться о его покойном отце.

– Да тихо ты, Игоряха. Спрашивайте скорей, мне кормить его пора, не видите – плачет, заходится. – Сулова снова потрясла младенца, начала укачивать.

– А что, няни у вас нет? – удивился Никита.

– Какой няньки, откуда? Мне самой-то есть нечего. Мужа убили. Денег нет. Он мне никогда денег на руки не давал. Незачем, говорил. Вчера сунулась вон с Митьком в банк, все счета там на мужа. Мне ни копейки не дали, справки надо собирать на наследство. А у меня сын на руках. Вы бы помогли, раз из милиции, справки-то получить. А то везде очереди километровые, а я с ребенком. – Сулова уже не просила – требовала.

– Я розыском убийц вашего мужа занимаюсь. А чтобы наследство оформить быстрее, наймите адвоката в счет будущего унаследованного капитала. А вы, я погляжу, молодые люди, – Колосов хмыкнул, – не особо и скорбите об усопшем.

– Да мне как сказали, я в обморок грохнулась, вам весь роддом подтвердит, – отрезала молодая вдова. – А реветь по Аркадию я не могу, у меня молоко пропадет.

– А я вообще о нем не жалею, – заявил брат. – Убили, и поделом, больше бы с мразью своей уголовной дела имел. Какой крутой нашелся, блин! Вот нашлись и покруче.

– Не жалуετε вы родственника, ох не жалуετε.

– А чего его жаловать? Ваши-то приехали с милиции, так первые вопросы – где сидел, когда освободился? Родственничек! Да вообще, если хотите знать, он вот ее – сестру мою – изнасиловал. Она только школу кончила, в магазин устроилась продавщицей, а он – гад такой... Да его за одно это пристрелить надо было! Еще тогда, раньше! До свадьбы!

– Ну и?

– Что – и?

– В тот вечер там, в кустах за забором, не вы ли, гражданин Лапин, воплотили эту идею в жизнь?

– Чего-чего?

– Ничего. Стрелять умеешь? В армии служил?

– Служил. А к чему вы клоните?

– К тому и клоню – к отсутствию скорби по покойнику.

– Да вы что, коки, что ли, нанюхались? Митька обвинять, что он Аркадия моего прикончил? Совсем уже! Во менты – совсем оборзели! – Вдова топнула ногой. – Ну, вы даете! Не убивал он никого. Он вообще у девчонки своей в Рязани был, я его срочно сюда на похороны вызвала.

– Ладно, не кричите, гражданочка. Я никого пока ни в чем не обвиняю, – сказал Колосов примирительно – и правда, не препираться же с кормящей матерью. – Я вот по какому

вопросу. Меня ваши ворота автоматические интересуют.

– А при чем тут наши ворота?

– Как установлено, в тот вечер, когда были убиты ваш муж и гражданин Бойко... А вы хорошо знали гражданина Бойко – Арнольда?

– Он у нас постоянно торчал. Они с Аркадием вечно вместе были. Арнольд его всюду сопровождал, таскался за ним как привязанный. Глаза б его мои не видели.

– Неуживчивый имел характер?

– Дерьмо он полное. За мной следил, когда я в Москву ездила, – Аркадий его посылал. Потом ему все докладывал, где я была.

– Ваш муж был лучше?

– Он... в общем-то, он мужик незлой. И ко мне добрый был. Не всегда, иногда... Денег никогда мне не давал. Но вещи покупал, не отказывал. Ребенка очень хотел, сына. Не родила б я, бросил бы меня, конечно, бросил, другую себе бы нашел. А при чем тут я, когда он сам не мог так долго?

– К вашему мужу приезжали... скажем так, знакомые по прошлым делам?

– Приезжали. Хотя сюда редко. С кем надо, он в ресторанах встречался.

– О делах его вам что-нибудь известно?

– Никаких своих дел он со мной не обсуждал. Не моего ума это – говорил.

– Вообще-то правильно. От таких дел лучше подальше,

Анастасия Павловна. Но может быть, все же чем-то делился с вами? Может, кто-то ему угрожал, а? Враги у него были?

Вдова пожала плечами. Младенец на ее руках снова закрихтел. Потом заскрипел, потом начал покрикивать.

– Давайте быстрее, Игореха голодный!

– Вернемся к воротам. Они в тот вечер отчего-то не открылись. Автоматика не работала.

– Я в этом не разбираюсь. И потом, я же сказала – меня не было, я в роддоме была.

– Я знаю, почему они не открылись. Там щепка была забита, – подал голос ее брат Митек.

– Куда забита?

– А вон там, в паз, сбоку. Я приехал – ворота настежь, их ваши-то из милиции, когда все осматривали, открыли. А закрыться они не закрывались. Ну, я все проверил, хотел сам починить, я электрик, гляжу – там щепка здоровенная. Я ее вытащил, выбросил. Но все равно мастера надо вызывать. Система сбита напрочь.

– Не врешь, парень?

– Чего мне врать-то? Я еще удивился – какая сука это все сделала, ворота сломала.

– Вам обоим придется приехать в областную прокуратуру, – сказал Колосов.

– Когда?

– Когда следователь вызовет. А с оформлением наследства не тяните. Наследство у вас – ого-го. Богатая женщина

твоя сестра, Митек.

– Вот кто у нас богатый, – Сулова гордо показала Колосову сына. – Вот он, Игорь Аркадьевич. А я... а мы с братом ему опекуны. И пусть только кто-нибудь из этих... из этой ихней мафии посмеет тронуть моего сына.

– Идем, покажешь, где щепка была в воротах, – сказал Колосов ее брату. – А насчет «ихней мафии» – это так, к слову, Настя? Или сведениями какими все же располагаете?

– Отстаньте вы от меня. Мне Игоряху надо кормить, – отрезала вдова.

Глава 7

ОХОТНИК, ИЛИ ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ

А тем временем далеко от Москвы в ворота охотхозяйства, чьи угодья располагались в знаменитом Евпатьевском лесу, что в ста километрах от славного города Владимира, въезжал джип «Мицубиси Паджеро». Вот совпадение – точно такой же черный, траурный близнец того, что навеки потерял своих хозяев у ворот особняка в подмосковных Больших Глинах.

В джипе звучала музыка, и мальчишечка пел в магнитоле тоненьким голоском про «Суку-любовь». За рулем сидел тот, кого в Евпатьевском охотхозяйстве хорошо знали. А старший егерь по прозвищу Мазай так и вовсе любил пылко и преданно за широту и редкую щедрость, порой граничащую с транжирством.

– Марат Евгеньич, дорогой ты мой! Что ж так-то, без звонка? Мы и не ждали тебя вовсе. Я бы баньку протопил! – вопрошал он, раскрывая ворота, тычась в открытое окно джипа, за рулем которого сидел Марат Голиков – мужчина симпатичный, неженатый, свободный, небедный, атлет, спортсмен, заядлый охотник, дайвер, парашютист, каратист, знаток гражданского, уголовного и административного законо-

дательства, почитатель самурайского кодекса «Бусидо» и сочинений Кастанеды.

«Сука-любовь» в магнитоле не убавляла громкости. Марат устало-приветливо улыбался Мазаю. И тут же морщился, кривил красивое, гладковыбритое лицо, – прямо на въезде в ворота в нос шибала огромная куча навоза, который еще в мае егерь Мазай привез для своего огорода, но пока так и не разбросал на грядки.

– Все пьешь? – по-свойски поинтересовался Марат.

– Что ты, Марат Евгенийч? Когда? Вчера клиенты, позавчера и третьего дня. Тока-тока съехали, унес черт. Ты-то как же это без звонка, не предупредив?

– Так вышло. Я ненадолго, денька на два.

Голиков не сказал егерю, что все получилось вполне спонтанно и неожиданно. Просто необходимо было срочно покинуть Москву, уехать на время, вырваться из ее крепких, душных объятий.

– Жара какая. Дождей тут у вас не было? – спросил он, выгружая из машины спортивную сумку и охотничьи карабины в чехлах.

– Ни слезинки, ни мокринки. Да ты в дом-то проходи, еще вещи какие есть?

– Нет. Вот сумку возьми. А я только матери позвоню.

Мать, Александра Арсеньевна, была ему единственным близким человеком. Вот так и бывает – тридцать семь лет, атлет, плейбой, мечта любой женщины, а по существу, кро-

ме матери, никого. Звонок, гудки, гудки... Александры Арсеньевны дома не оказалось. Марат давно жил отдельно от матери, в своей собственной квартире – просторной, декорированной по собственному вкусу. Мать его редко навещала, а вот он – наоборот. Не проходило недели, чтобы он не заглянул к ней. Продукты и лекарства приносила матери приходящая домработница, которую нанял и оплачивал он сам, поэтому на его долю оставались только подарки, приятные сюрпризы – коробка конфет, духи, торт или же цветы. Александра Арсеньевна обожала цветы, и Марат дарил их ей так же щедро, как дарил егерю Мазаю свою ношеную фирменную одежду и давал на водку.

«Вернусь, заеду в «Царство Флоры», закажу ей букет. Она рада будет. Никто лучше их не делает букетов», – решил Марат.

А потом подумал о том, что цветы неплохо было бы заказать и послать Ксене и Марине. Сколько он не видел обеих? Полгода? Последний раз они приезжали сюда, в охотхозяйство, зимой, в феврале. Он – Марат Голиков, тридцатисемилетний мачо, и очаровательные сестры-двадцатилетки. Познакомились они в клубе «Хард-рок» на концерте американского рока. В «Хардрок» ходит продвинутая, приятно-демократичная тусовка. А тут такие девушки-погодки: красавицы, студентки, любимые дочки самого господина Семибратова, заседающего в Совете Федерации. Правда, познакомился Марат сначала только с Ксеньей. После концер-

та и танцпола, после джин-тоника и коктейлей она весьма покладисто согласилась продолжить знакомство у него дома. И подвела сестру Марину – тоже, в общем-то, красивую, но не совсем во вкусе Марата. «Знаешь, дарлинг, а мы сестрички-лисиčky, мы все и всех делим пополам на двоих», – объявили старлетки умудренному жизнью, но на этот раз несколько озадаченному мачо. И они делили его между собой сладко-сладко, без ревности и скандалов до той самой поездки сюда, в охотхозяйство, в феврале.

Марат жаждал тогда завалить сохатого. А они желали на это посмотреть, полюбоваться на человека с ружьем. Сохатого егерь Мазай тогда организовал в лучшем виде. Но Марат, стреляя из карабина под пристальными взглядами прекрасных девичьих глаз, жестоко промазал. Потом, правда, попал в лося, потом снова промазал, потом снова попал.

Лось, увязая в снегу, пытался уйти, скрыться в лесу, оставляя за собой кровавый след. Они догоняли его на снегоходах. Потом бросили снегоходы. Из брюха лося хлестала кровь, он завалился на бок, сучил огромными нескладными ногами, хрипел, непроизвольно мочился от страха и боли.

Красавицу Ксению от его вида начало неудержимо рвать. Она блевала и рыдала от отвращения и ужаса, никак не могла справиться с собой. Марат не знал, чем ей помочь. А егерь Мазай, собственноручно добивший лося, скоренько свеживал тушу, спуская кровь и желчь.

С этой поры они практически не общались. Можно было

бы, конечно, спать только с одной Мариной, но, во-первых, сестры привыкли все и всех делить на двоих, а во-вторых, Марина все же была не такой красивой, гибкой и длинноногой, как Ксения. А при одном взгляде на пухлые Ксенины губки Марату с этих самых пор чудился запах рвоты. Он вообще отличался патологически острым обонянием в отношении женщин – и это было его бедой. За версту чуял тончайшие нюансы духов, которыми женщины пользовались, ощущал запах их пота. Знал даже, когда у них наступали менструальные дни.

А вот запах крови на охоте, запах дичины никогда не был ему противен.

– Баню топить, Марат Евгеньич? – услужливо суеился Мазай. – Сей момент организуем.

– Подожди с баней. Знаешь, я бы хотел сегодня вечером... Сделаешь?

– На уток, что ль?

– Нет, на кабана. – Марат зажал карабины под мышкой.

– Никак невозможно.

– Почему?

– Да потому, что...

– Подожди, я еще матери позвоню, не дозвонился.

Звонок в Москву. Гудки, гудки... Нет, Александры Арсеньевны, единственной женщины, чей запах даже со сна, с постели никогда не вызывал в Марате неприятных ассоциаций. «К подруге поехала, подруга ее на дачу звала погостить.

Сейчас июнь, лето... все правильно. Вернусь, отвезу ей цветы. В «Царстве Флоры» сделают приличные».

– Так какие проблемы, Мазай? Не понял?

– Нетути кабанов. – Егерь кивнул на двор охотхозяйства. – Постреляли черти всех до единого. Я ж говорю, вчера гомозились и позавчера. С Москвы заявились на трех машинах. Ну, и всех забили, которые в загоне-то хрюкали.

Июнь – месяц не охотничий, несезонный. В Евпатьевский лес, если поступать строго по закону, по правилам, доступ охотникам категорически запрещен. Но охотхозяйство придумало, как организовать досуг для состоятельных клиентов, и летом в специальном загоне на задворках всегда содержалась пара-тройка ручных кабанов, которых кормили и выращивали на забаву охотникам. В других охотхозяйствах также содержали на убой лосей, косуль и даже медведей, особенно для богатых иностранцев, не разбиравшихся в сезонности русской национальной забавы.

Но косули и медведи Марата на этот раз не интересовали. Ему нужен был кабан.

– Мазай, ты меня знаешь, я слова «нет» не признаю.

– Но никак ведь невозможно.

– А что, лес разве далеко? – Марат улыбнулся, крепче зажал карабины под мышкой.

– Да в лесу ведь, сами знаете, Марат Евгенийч... Строго ведь сейчас. Того ведь, этого...

– А ты разве не егерь, не хозяин здесь?

– Да как сказать, хозяин-то хозяин, но... Непорядок это.

– Конечно, беспорядок. За беспорядком я и пер сюда двести с лишним километров. Порядки и правила мне и в Москве надоели вот как. – Марат чиркнул себя ребром ладони по горлу. – За беспорядок и плата будет беспорядочная. – Он достал из кармана куртки бумажник и отсчитал егерю двадцать пять тысячных купюр. – Вот, прими.

– Марат Евгеньич!

– Подожди, я опять матери позвоню, айн момент. – Марат снова прижал сотовый к уху. Набор одной кнопкой. Гудки, гудки...

– Алло!

Голос матери слегка запыхавшийся, оживленный.

– Мама, это я. Привет, где ты была? Я звоню, звоню.

– Здравствуй. – Голос матери, такой близкий за сотни километров. – Я Тофи выводила.

Тофи – маленький серый пудель на тонких лапках, сквозь стриженую шерсть розовое тельце просвечивает, как сосиска. Самое дорогое для Александры Арсеньевны существо, ну, конечно, если не считать сына, Марата.

– Как себя чувствуешь, мама?

– Хорошо, и давление сегодня хорошее.

– Я рад тебя слышать.

– А ты где?

– Так, в одном месте. Далеко от Москвы.

– За городом? Ты в клубе? Ты там... с кем-то, да? С жен-

щиной? – В голосе Александры Арсеньевны – легкая трещинка.

– Я один, мама.

– Я ее знаю?

– Я один.

– Никто, Марат, ты слышишь, никто никогда не будет любить тебя так, как я.

– Я в охотхозяйстве в Евпатыеве. Я пробуду здесь до завтра.

– Ты же не собирался на охоту. И потом – какая сейчас охота? Разве можно...

– Так получилось, мама. Спонтанно. Мне надо было уехать. Мне захотелось.

– Тебя очень хорошо слышно. Отличная связь, как будто ты в другой комнате.

– Я приеду к тебе, мама. Как только вернусь, я приеду.

Марат отнял телефон от уха и поднес к губам. Мама... Ей было девятнадцать, когда он родился, а отец был намного старше... Она всегда пользовалась успехом у мужчин. Когда отец умер, ей предлагали выйти замуж не раз и не два, но она не вышла из-за него, Марата... Золотистые волосы, лебединая шея, улыбка, как у Марины Влади... Мама... какие цветы ей выбрать на этот раз в «Царстве Флоры»? Что-то редкое, экзотическое? У них все есть, они...

– Баню-то затапливать, Марат Евгеньич? – в который уж раз проникновенно осведомился егерь Мазай, успевший

спрятать «гонорар» в карман необъятных своих камуфляжных шаровар.

– Утром. А сейчас... прямо сейчас я бы хотел... ну, ты слышал чего.

– С дороги-то, не отдохнувши? Двужильный вы, что ли?

– Я охотиться приехал. Стрелять.

– Эх, попадемся охотнадзору! Или менты, не ровен час, нагрянут.

– Ты же лес как свои пять пальцев знаешь. Та поляна у оврага, про которую ты в прошлый раз говорил...

На поляне у оврага, по дну которого протекал ручей, егеря разбрасывали соль. К ручью на водопой сползлась, сбегалась разная тварь лесная, в том числе, конечно, и кабаны, которых развелось в последнее время в Евпатьевском лесу видимо-невидимо.

– Я в засаде буду, в кустах, – сказал Марат. – Сейчас только переоденусь, сапоги достану из багажника.

– Ладно, тока, чур, уговор – если матки с поросятами, то вы, это... не берите уж греха на душу. Куда я потом с молодыком-то денусь. С сиротами. Там здоровый один есть, ну, секач... Если придет на соль – ну, значит, ваше счастье. – Егерь прищурился. – Так и не понял, чего горячка-то у вас такая? Муха-то какая укусила вдруг, чтобы так вот, без предупреждения, без звонка из Москвы, сюда?

– Просто пострелять захотелось. – Марат усмехнулся. – В кабана.

В лес они пошли на вечерней заре. Пешком. Егерь Мазай вел, как настоящий Сусанин – мимо болота, мимо хвойной пади к оврагу. Солнце огненным шаром таяло, растекалось лавой по горизонту.

– Сумерничать они придут всем выводком, косяком всем, – шептал Мазай. – Страсть как соль любят. Нажрут – и пить, и айда хрюкать. А потом, как желуди-то поспеют попозже, к концу лета, и вообще... Все, тихо, замолчь! Пришли. Вон она, поляна. – Он раздвинул ветки, указал в синие сгущающиеся сумерки.

Марат широко расставил ноги, уперся ими в землю, бесшумно передернул затвор карабина.

Сумерки. Сонные голоса птиц.

Зеленая луна на пепельном небе.

Где-то там, в овраге, – ручей. Далеко, далеко от Москвы. Следы на раскисшей глине вдоль кромки.

Мама, как же это получилось у нас, как же это вышло, что ты там, а я здесь? Я твой сын, и я тебя очень...

– Евгений! – просипел из кустов Мазай.

Марат, согнувшись, подался вперед. Луна заливала поляну колдовским, мертвенным светом. И на фоне этой лунной мглы маячили какие-то крупные темные пятна. Марат сжал карабин враз вспотевшими руками. Кабан, секач. Ну, иди же сюда, зверюга, иди ко мне!

Впереди затрещали ветки. Послышалось шумное сопенье, чавканье. Темное пятно надвинулось, обдавая густым зве-

риным запахом. Крупный кабан нюхал воздух, поводя рылом, в лунном свете белели клыки. Внезапно раздался испуганный поросячий визг где-то там, внизу, на дне оврага. Кабан шумно хрюкнул и начал всем корпусом пятиться назад. «Все, стреляю, иначе уйдет!» – подумал Марат и плавно нажал на курок. Грохот, эхо выстрела в темном лесу и – яростный животный визг, треск валежника, топот.

– Стреляй, Евгенийч! Стреляй, ну! – заорал егерь Мазай.

Марат выстрелил дважды – пах! пах! Визг оборвался хрипением где-то в чаще, потом снова послышался треск, топот.

– Не попал, промазал, ах ты, чтоб тебя! Ушел сволочуга! – Егерь выскочил из кустов. – Ранили вы его, только зря раскровянили. Что теперь я делать-то буду? Раненый секач лесу – это караул кричи, вот оно что это такое. Хорошо как сдохнет сам где-нибудь в бучиле, а то если не сдохнет? Освирепеет. А тут грибники, деревенские в лес попрут... Задерет, убьет кого-нибудь.

– Пошли по следу. – Марат закинул карабин на плечо.

Ему было досадно и слегка стыдно перед Мазаем. Но, в общем-то, ничего, даже весело. В принципе трофей был упущен, но вся соль охоты – здесь, на этой прикормленной солевой поляне в чаще леса, лихорадочное ожидание в засаде, ужас и восторг, наконец, кабан и сам выстрел – была испытана, прочувствована от корней волос до кончиков пальцев. Дрожь унялась, и осталась только усталость. Впервые за весь этот длинный день – день далеко от Москвы – Марат ощу-

тил, как он устал.

Но, пересиливая себя, он повторил:

– Пошли по следу, Мазай.

Но егерь только рукой махнул, только сплюнул и выругался матерно. И от его мата на душе Марата стало совсем хорошо, покойно.

Глава 8

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И ФРАНЦУЗСКИЕ СНЫ

Выпадают дни, когда все с самого утра как-то не задается. И настроение, и радость бытия падают ниже низшего своего предела. Катя, еще не умывшись и не позавтракав, начала названивать по телефону Драгоценному, но телефон всякий раз отвечал: «Абонент недоступен». Разлука и неизвестность давили на сердце тяжестью. А тут еще за всеми этими расстройствами и на работу катастрофически опоздала. Из «Вестника Подмосковья» позвонили – статья о подростковой преступности не пошла в печать, слишком все сурово, натуралистично и безрадостно в перспективе, мало оптимизма, который с некоторых пор стал пламенно приветствоваться на страницах «Вестника». Оптимизм. Какой там, к дьяволу, оптимизм! Но в результате статью пришлось срочно править, добавлять смягченные данные криминальной статистики, срываться из главка и мчаться в редакцию.

Редакция «Вестника» помещалась на Остоженке. Катя промаялась там до самого обеда, обсуждая с главным редактором перспективы сотрудничества пресс-службы ГУВД и прессы и те подводные камни, которые внезапно возникли в их отношениях. Пообедать она решила где-нибудь в кафе,

ну, хотя бы на уголке Сивцева Вражка или же в каком-нибудь из симпатичных переулков в районе Пречистенки. Например, вот в этой уютной кофейне в Афанасьевском. Название переулка показалось ей знакомым. Не далее как вчера... Ну конечно же... Катя, шаря в сумочке, прошла мимо кофейни. Извлекла глянцевый кусочек картона – визитку. И увидела тот самый дом и вывеску. Дом № 7 – «Царство Флоры». Витрина нарядного цветочного магазина.

«Надо же, они торгуют цветами, – подумала она, глядя на визитку с фамилией Тихомиров. – Эти двое вчерашних господ, они торговцы цветами... Что может быть общего... Странно, отчего Колосов не поверил этому, как его... Андрею Балмашову? Он ведь не поверил ни единому его слову – «кто-то бродит в доме, меня пытались задушить». Он, этот Балмашов... он так это рассказывал... У него такой взгляд был – брр! Ужас смерти... Эта ночная погоня в лесу. Но где-то это уже было. Словно что-то подобное я уже слышала или читала... У Конан Дойла есть рассказ про ожившую мумию, как она выслеживала своих жертв. Может, поэтому Никита и не поверил ему? Да нет, он детективов принципиально не читает».

Она взялась за ручку двери, которая была из зеленого пластика. Вывеска «Царство Флоры» тоже была изумрудно-зеленого цвета. Она притягивала взгляд, выделяясь на фоне серой громады бывшего доходного дома.

Царство Флоры – богини цветов...

У входа мелодично звякнул колокольчик. Катя переступила порог, и почти сразу ее окутало волной аромата. Просторное, залитое солнцем помещение. На фоне белого декора – яркие пятна. Цветы, цветы, цветы... Зеленая стена молодого бамбука, точно ширма, отделяющая часть зала. Белая винтовая лестница на второй этаж. Возле нее – клумба, да, да настоящая стилизованная клумба: дубовая бочка с землей, а в ней... подсолнухи. Огромные, желтые, с черно-коричневой серединой, настоящие подсолнухи.

Катя сделала несколько шагов в глубь магазина. У стойки с компьютером никого, в зале пусто – ни продавцов, ни покупателей. А это что? Неужели лютики? Самые обычные полевые лютики в вазе, и это по соседству с пурпурными каллами и орхидеей, чьи соцветия так похожи на тропических бабочек?

«Какой отличный магазин, сколько всего, надо взять на заметку», – подумала Катя и увидела на стене тканый гобелен. Не постер, не репродукцию, которыми обычно украшают стены офисов и торговых залов, а гобелен довольно больших размеров, так что изображение на нем, казалось, господствовало, царило над всем помещением, купаясь в лучах солнца.

По краю гобелена шел причудливый орнамент в виде переплетения трав и цветочных стеблей. Краски ткани были яркие, новые, и весь вид гобелена говорил о том, что это, скорее всего, новодел, а не создание старых мастеров.

«Французская картина, – решила Катя. – Кажется, это Николас Пуссен... Да, похоже. Однако странная какая».

Она отступила к желтым подсолнухам. Они так похожи на желтые блюдца, по ним можно гадать, так же как и вон по тем белым полевым ромашкам – любит – не любит. Подсолнухам надо много солнца. Говорят, что они поворачивают вслед за ним свои желтые головки. А на этой картине солнце на тканом небосводе представлено возникшим, управляющим квадригой лошадей. Солнечный бог Аполлон – Гелиос, прекрасный, недоступный. И как жадно на него смотрит вот эта женщина, изображенная в центре, смотрит из-под руки...

– Я не знаю, что мне делать... Я погибаю...

Тихий женский голос. Катя замерла от неожиданности. В этом пустом зале среди цветов...

– Сережа, я погибаю, а он... он ведет себя так, словно я... Голос доносился сверху, с лестницы.

– Марин, но чем я-то могу тебе помочь?

Женскому голосу ответил мужской – тоже тихий, низкий, мягкий.

«Надо окликнуть, поздороваться, нельзя вот так стоять под лестницей и подслушивать чужие излияния». Но Катя никого не окликнула.

Эта картина... Что-то в ней не так. Что-то не то. Покой, умиротворяющий покой во всем... Шмель вон жужжит, бьется о стекло... Яркие краски новой ткани. Дождь лепестков, поляна, усеянная цветами, место полуденного отдыха в

тени деревьев и шпалер, увитых виноградом и дикими розами. И персонажи. В центре – сама Флора, владычица цветов, царица садов и бутонов, и ее странная свита. Восемь фигур. И над всем этим в облаках – солнечная колесница и бог – такой далекий, желанный...

«Вот этот, склонившийся над кувшином с водой, смотрящий на свое изображение, явно Нарцисс, – решила Катя. – Вон и цветы, белые нарциссы у него в руках. Рядом с ним – его подруга. Как же ее звали... забыла... А этот, опирающийся на копье... охотник со сворой гончих... Господи, какая ужасная рана у него на бедре... Так реалистично все изображено, выткано. Кровь... капли превращаются в цветы. Что это за цветы?»

– Ничем ты мне не можешь помочь. И никто мне помочь не может. Знаешь, я ведь уйти отсюда хотела. Совсем. Почти уже решила, но...

– Это не выход, вряд ли что это для тебя изменит. А мы все здорово потеряем с твоим уходом. И Андрей тоже много потеряет.

Голоса на лестнице. Женский и мужской. Женский доверчиво жалуется, сетует, мужской утешает.

– Никогда не думала, что такое со мной может случиться. Понимаешь, у меня нет своей воли. И гордости никакой тоже уже не осталось. А он все это видит. Он видит, что я готова унижаться, и ему все равно. Я ему от этого еще больше противна.

– Не пори ерунду. Он к тебе очень хорошо относится.

– Откуда ты знаешь?

– Мне ли Андрея не знать? Мы друзья с первого класса.

Он... Ох, Марин, ну что тут скажешь? Он хороший человек, очень талантливый, но он не хозяин своей судьбы в этом вопросе.

– По-твоему, это она – хозяйка его судьбы? Флоранс? Эта сумасшедшая?!

– Тихо, тихо... Ну не надо так. Дело не в Флоранс. Просто...

– Он женился на ней из одного только голого расчета!

– Конечно, по расчету. Но ты не должна осуждать его. Он думал в первую очередь о своем уникальном даре, о деле, о нашем общем, если уж на то пошло, благополучии.

– Он женился на ней только для того, чтобы в любое время, когда ему вздумается, беспрепятственно таскаться во Францию, в этот ваш чертов замок!

– Этот замок... Марин, я тебе сейчас скажу одну вещь. Ты только выслушай меня спокойно. Я хочу, чтобы ты поняла. Этот замок... Ты сама знаешь, я за границу не люблю. Не хмыкай. Дело не в деньгах, не в их менталитете. Дело в том, что так уж сложилось. Я русский человек, я, наверное, намного больше русский, чем мне бы даже этого хотелось. И я там чужой. Я с этим смирился и особо из-за этого не комплексую, не переживаю, наоборот даже. Я хочу жить здесь. И хочу жить хорошо. Очень хорошо. И знаю, что у моих детей

не будет иной судьбы, кроме этой, здешней, но...

– Но он же совсем другой! Другой!

– Вот именно. Андрей другой. Хотя мы с ним и дружим больше тридцати лет, за партой одной вместе сидели, я всегда это знал. Он другой. Он стремится к таким вещам, о которых большинство не задумывается и не помышляет.

– Я иногда не понимаю, чего ему нужно? Что его гложет изнутри?

– Я тоже порой этого не понимаю. Лучше я расскажу тебе о том, как мы тогда впервые приехали в замок Шенонсо и познакомились с отцом Флоранс. Это было поздней осенью, в ноябре. Мы с Андреем приехали из Парижа на машине и шли по аллее. Цветы в садах Медичи, окружающих замок, были уже выкопаны, и клумбы покрыты зеленым дерном. Моросил мелкий дождь, и в мокрой дымке мы увидели... Я так хорошо все это помню: стрельчатые арки, мост-галерея, перекинутая с одного берега реки на другой. Мы вошли, не повстречав никого на входе. Поздней осенью туристы почти не приезжают. Где-то в залах топили камины – мы чувствовали запах дыма и дров. Нас окликнул охранник и повел в белый вестибюль, где отец Флоранс как раз заканчивал свою очередную композицию. Для большой флорентийской вазы из черного мрамора он выбрал очень простую, гениально простую композицию. Зеленые кипарисы, белые лилии, зеленые гиацинты и можжевельник. Никогда прежде, нигде, ни на одной флористической выставке ни в

Амстердаме, ни в Челси, ни на Ситэ в Париже, честное слово, Марин, я не видел ничего прекраснее этой его работы. Я понял тогда, какого уровня мастером является главный флорист замка Шенонсо. Андрей же понял это гораздо раньше меня. Он понял и другое, что это цех, понимаешь, замкнутая каста, проникнуть в которую со стороны, стать там своим ему – чужому, иностранцу, русскому – практически невозможно. Есть только один шанс, всего один.

– Ну да, жениться на полоумной дочке главного флориста. Продать себя.

– Если бы у меня был такой же талант, как у него, я бы тоже использовал этот шанс.

– Что – бросил бы жену, троих детей ради...

– Иногда что-то надо приносить в жертву. Жизнь заставляет, Марина. А великие шансы даются нам только раз. Если не используешь, горько потом пожалеешь. Но я не о себе говорю. Я не художник, не мастер, как Андрей. Я просто очень неплохой администратор, деляга. Но я могу понять, что движет творческими людьми. И поверь мне, Андреем двигало тогда чувство, которому он не мог противостоять. Если бы он не использовал этот шанс, он бы... Я не знаю, что бы с ним было.

– А я не знаю, что с ним творится сейчас, – женский голос звенел. – Он стал какой-то совсем другой. Я его порой просто не узнаю. Что ему нужно? Я ведь ни на что не претендую, Сережа. Я не смогу заставить его развестись с ней, я этого и

не требую, но... Но он даже не хочет меня как любовницу. Совсем не хочет, даже не смотрит на меня, не замечает. А сейчас Флоранс вернулась, и вообще...

– О Флоранс можешь не беспокоиться. – Мужской голос усмехнулся. – Это я тебе говорю.

– Ах, откуда ты знаешь. Он ночью с ней там дома вдвоем, и они...

– А ты не пробовала одеваться по-другому, Марин?

– Что?

– Слегка посексуальнее. И прическу бы изменила, покрасилась, что ли, в рыжую. Со стилистом посоветовалась бы. Ну не знаю, попыталась бы как-то удивить его собой.

– По-твоему, я совсем некрасивая, да?

– Да господи, нет, конечно, ты вон какая у нас славная, но... Меняться надо. Все меняется, Марин. Жизнь меняется. И мы должны меняться, приспособливаться. Метаморфозы, Марин, – это приметы времени.

– Но я не хочу меняться. Я хочу, чтобы он полюбил меня такой, какая я есть.

– Ты же знаешь, Андрей любит такими, какие они есть, только...

– Цветы? Да это же просто товар, товар, который мы продаем. А я... я живой человек, неужели он этого не понимает? Живой, живой!

Топот острых каблучков куда-то прочь, вверх. Шаги вниз – энергичные, уверенные, мужские.

По лестнице спустился широкоплечий блондин плотного телосложения в серых брюках и белой сорочке. При галстуке, но без пиджака. Увидел Катю. И Катя сразу его узнала: тот самый вчерашний посетитель – Сергей Тихомиров.

– Добрый день, – поздоровался он. – Ха, вот так неожиданность! Хотя чего уж тут неожиданного, сами с Андреем вчера напросились.

Катя поняла – он тоже сразу ее узнал, а вчера в кабинете, казалось, почти и не смотрел в ее сторону.

– Меня зовут Екатерина Сергеевна, я по поводу...

– А я Сергей. Вы тоже в уголовном розыске работаете, как и тот парень вчерашний, майор?

– Я занимаюсь информационным сопровождением, – уклончиво ответила Катя (скажешь, что ты из пресс-службы, только все испортишь).

– Информация дело полезное, нужное. – Тихомиров откровенно разглядывал Катю. – Без информации сейчас никуда. Чем шире резонанс, тем лучше. Ну и как вам, Екатерина Сергеевна, тут у нас?

– Я не ожидала попасть в цветочный магазин, – честно призналась Катя.

– Да, лавочка у нас еще та. За одну аренду в центре сколько платим – уму непостижимо. – Он извлек из кармана брюк пульт, включил плазменную панель, укрепленную над столом с кассой и компьютером, которую Катя и не заметила. Экран запестрел, как клумба, – калейдоскоп цветов закру-

жился, потом замедлился и обернулся медленно распускающимися бутонами. Лепестки упруго выгибались, набирали силу, расправлялись – и вот уже на экране расцвел хрупкий цветок, названия которого Катя не знала.

– Должен вас огорчить, Андрей здесь практически не бывает, его можно застать только в Воронцове, там наше основное хозяйство. А здесь у нас, как видите, просто лавка, пункт реализации для удобства клиентов и престижа фирмы. – Тихомиров смотрел на Катю с высоты своего роста. – Да и меня вы тут случайно отловили. Здесь у нас обычно только продавщицы, кстати, они сейчас явятся, обедать пошли в кафе. А из нашей топ-команды тут бывает регулярно только наш флорист Марина Петровых. Да вы ее слышали. – Он усмехнулся. – Вы ведь нас подслушивали. Я видел сверху, как вы вошли. Кстати, какое у вас звание?

– Капитан милиции. Я не подслушивала, я впала в ступор от восхищения, – в тон ему ответила Катя. – Засмотрелась на бочку с подсолнухами и на вон тот гобелен.

– А это... это так, баловство, французские сны... Вы на меня не обижайтесь, Екатерина Сергеевна. Я сам обалдел от неожиданности, признаться, так скоро я гостей из милиции не ждал. Когда это с Андреем стряслось и он мне позвонил в панике, мы думали, что дальше предпринять. Андрей решил к вам в органы обратиться. В отделении с нами и говорить бы никто не стал, просто отмахнулись бы, спровадили, как обычно. Хорошо, у него телефон остался одной клиентки, он

ей свадьбу дочери декорировал, ну, все там свадебные флористические прибаамбасы делал. А муж этой бабы... то есть клиентки... генерал МВД, шишка. Вот он и позвонил напрямую. Они нас к вам направили, так как нападение на Андрея было совершено, как нам сказали, на территории области, и поэтому...

– А на него действительно напали? – спросила Катя.

– То есть как? Конечно. – Тихомиров с недоумением уставился на нее. – Он мне позвонил в пятом часу утра, сам не свой. Подождите, а вы что же...

– Я пришла задать несколько вопросов. – Катя собрала, связала в узелок всю отпущенную ей богом наглость и апломб. (Что скажет Никита, узнав, что она снова сунулась не в свое дело? Ведь нипочем не поверит, что она оказалась здесь, у дверей этого «Царства Флоры», ну совершенно, совершенно случайно!)

– Мне?

– Получается, что вам, раз гражданина Балмашова здесь не бывает. А потом я переговорю с вашей сотрудницей, той, что наверху.

– Марина ничего про это не знает, – сказал Тихомиров. – Здесь никто ничего не знает. Андрей просил не говорить никому.

– То есть скрыть факт нападения?

– Он не хотел огласки. Он и жене ничего не сказал, точнее, соврал, что просто поскользнулся на берегу. Она больна,

ей не нужны лишние переживания. А Марина, она и так все принимает чересчур близко к сердцу. Андрей ее просто пожалел. Так о чем ваши вопросы? Вы, пожалуйста, садитесь.

– Куда? – кротко спросила Катя.

Он оглядел зал.

– Да, действительно, куда... Этого мы для клиентов и не предусмотрели... Вот сюда, пожалуйста. – Он снял с дубового табурета тяжелую керамическую вазу, полную нежно-сиреневых цветов совершенно фантастического вида. – Прошу покорно.

– А что это за цветы? – Катя не смогла скрыть своего восхищения.

– Это геликония, только вчера из Голландии самолетом доставили.

– Вы давно знаете Балмашова? – Катя начала задавать вопросы. Назвался груздем, полезай... одним словом, лезь туда, не знаю куда. Собственно, зачем она вмешивается? И в чем вообще дело? Ни в чем. Нет ни заявления, ни возбужденного дела, ни даже материала предварительной проверки. Так, одни слова, лихорадочные эмоции – «меня хотели убить», «страх... ужас смерти».

– Ой, всю жизнь, наверное, мы с ним друзья со школы.

«Как и Серега Мещерский с Драгоценным, – подумала Катя. – Где их сейчас, бедных, носит? По каким таким Карпатам?»

– А это вот все? – Она оглядела зал.

– Это все наш совместный бизнес. Мы с ним компаньоны.

– Вы флористы?

– Он флорист, талант, мастер. Учился этому ремеслу много лет, постигал. А я что-то вроде коммерческого директора лавочки, администратор, снабженец, переговорщик – ну, все вместе в одном лице, вы понимаете, в целях экономии средств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.